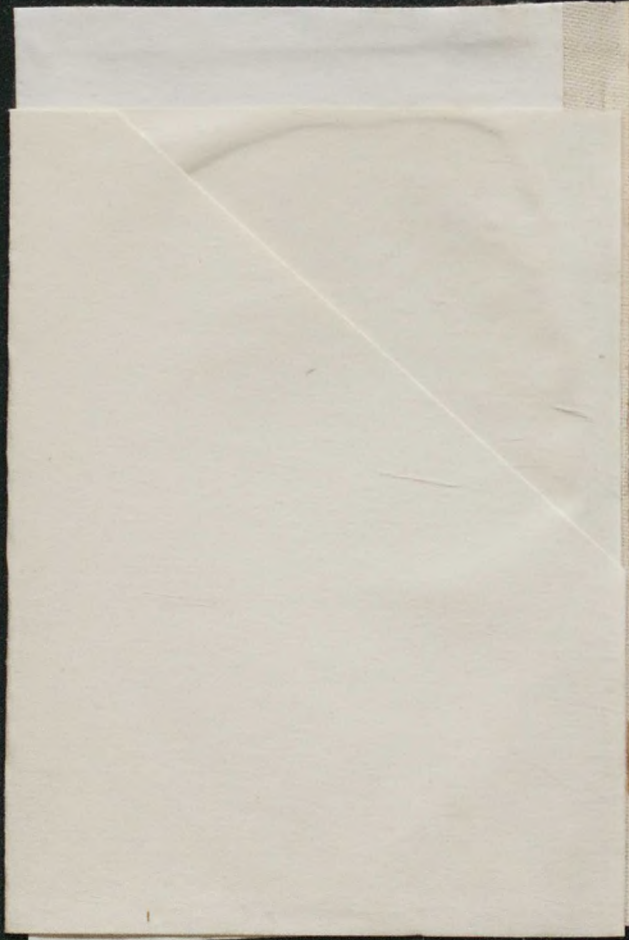
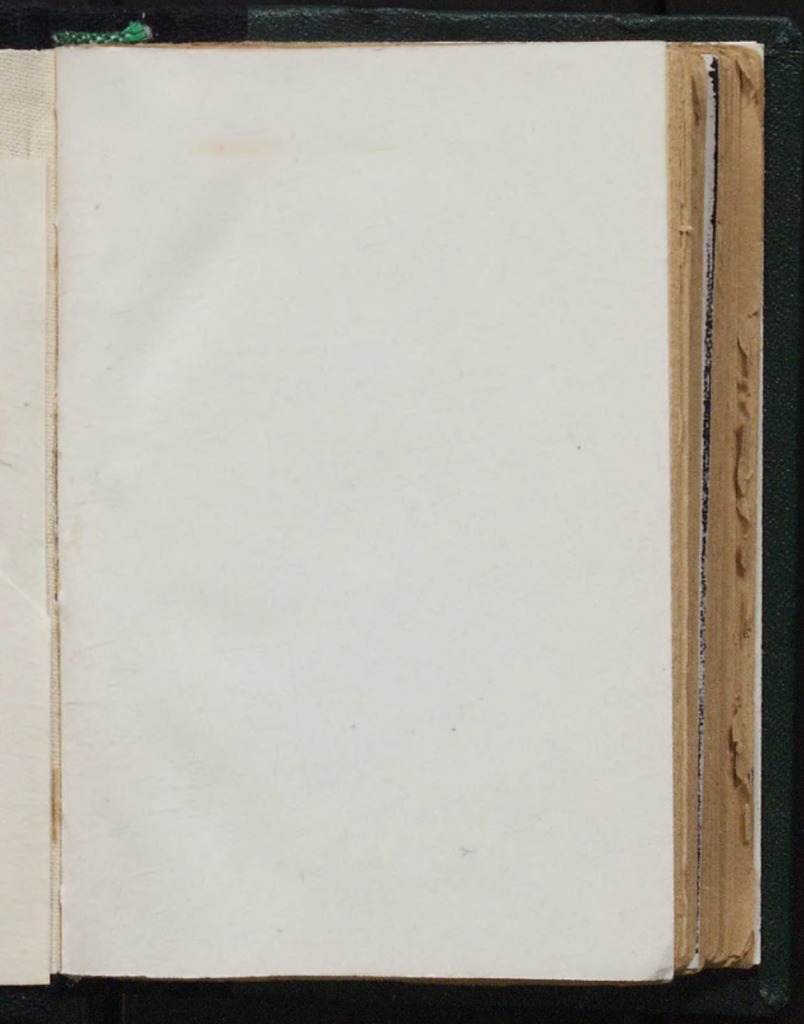
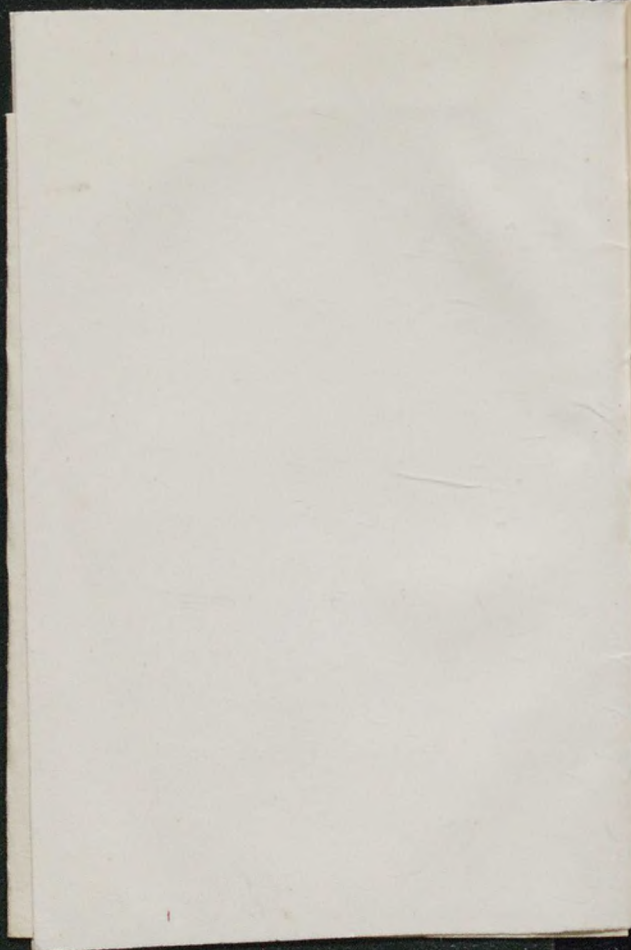

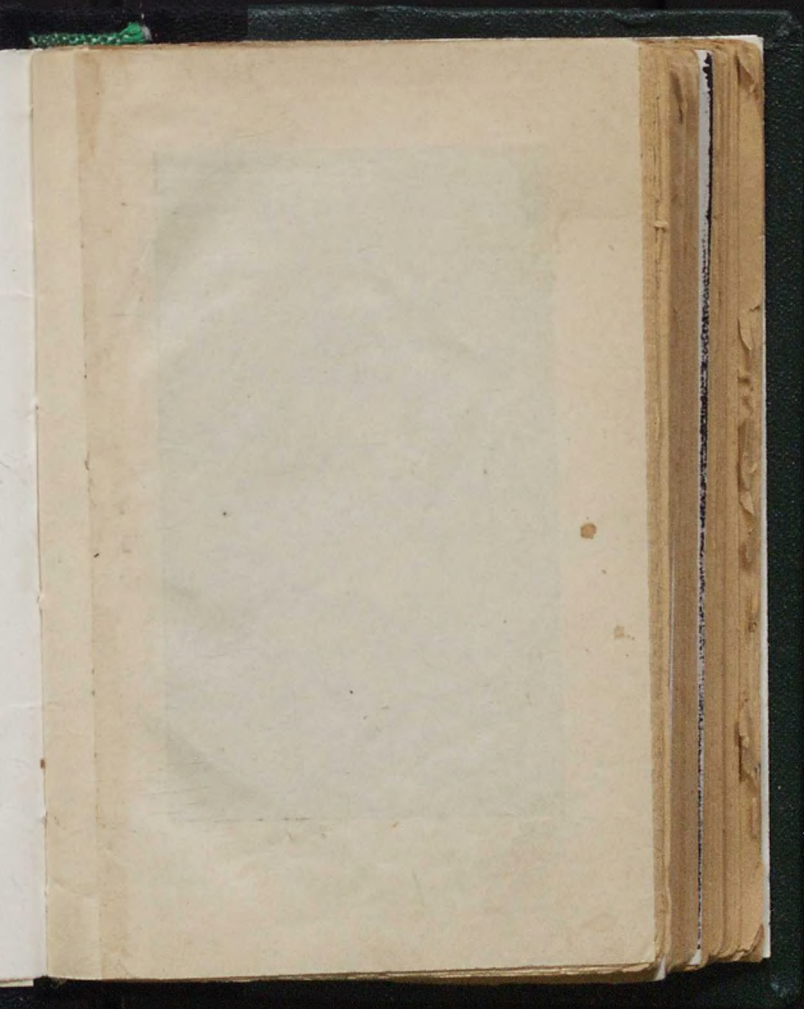
E $\frac{116}{381}$

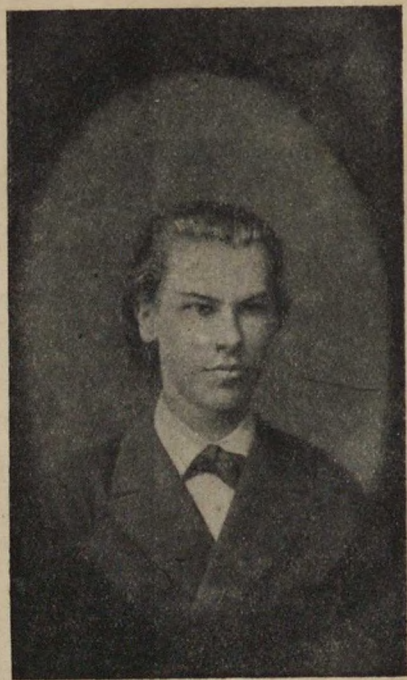
1939

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
малая серия № 9

~~Р.~~ **Ф О Ф А Н О В**

СТИХОТВОРЕНИЯ

Е $\frac{116}{381}$

Вступительная статья
и редакция текста
М. Клемана

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1939

3646.

Ф 81

2011143765

29-7/20
0 9470

«Пр
претен
романе
майло
нове
щего
сводки
В вос
площа
сателя
он в
деклар
новени
шихся
ая и
Н
фия
гих с
ционн
самоу
тадан

1 д
инан
ик",

К. М. ФОФАНОВ

«Принц и нищий» — под этим несколько претенциозным заглавием, напоминавшим о романе Марка Твена, напечатал А. А. Измайлов свои воспоминания о К. М. Фофанове — статью, сохраняющую до настоящего времени значение наиболее полной сводки биографических данных о поэте.¹ В восприятии современника в Фофанове воплощались оба персонажа американского писателя. Сказочным принцем представлялся он в своих звучных стихах, которые умел декламировать с таким неподдельным вдохновением, а на виду у всех, соприкасавшихся с ним, была его безалаберная, жалкая жизнь опустившегося неудачника.

Несложная, бедная событиями биография Фофанова представляет собою во многих отношениях типичную для дореволюционной России биографию даровитого самоучки, добившегося благодаря своему таланту общего признания, но не сумевшего

¹ А. Измайлов, Принц и нищий (Из воспоминаний о К. М. Фофанове), „Исторический Вестник“, 1916, кн. 5, стр. 459—478.

обеспечить себе сколько-нибудь сносное существование. Газетным и журнальным поденщиком, спешившим обменять только набросанные строчки стихов на скудный гонорар, оставался Фофанов на протяжении всей своей литературной деятельности. Это накладывало печать не только на внешний бытовой уклад его жизни, но и на само существо его поэтической работы, тем более что Фофанов почти с первых же печатных выступлений оказался тесно связанным с издателем «Нового Времени» А. С. Соловьевым, умным, но беспринципным реакционным журналистом, умевшим подчинить своему растлевающему влиянию гораздо более устойчивых писателей, чем автор «Иллюзий».

Константин Михайлович Фофанов родился в Петербурге 18(30) мая 1862 года. Его отец, родом крестьянин из Сердобинского уезда, перечислившийся в купечество, владел на Васильевском острове небольшим домом с садом и лесным двором, но, пустившись в рискованное предприятие, лишился почти всего состояния. В обстановке семейного разорения прошли детские годы поэта, воспитанию которого уделялось мало внимания.

Правильного образования Фофанов не получил, обучался в нескольких частных пансионах (Эмме, Кестнера и др.), затем в городском училище, из которого вышел, не закончив второго класса. Пробеги в со-

разован и оно
хи Фофанов
четыре
не соч
тиям. и

Девя
впервые
ских м
от 8 и
«Коми
гов им
этого в
бота в
В вось
ческие
Времени
ходе»,
вописно
датель»
тал ю
(под п
нец, ис
ковав в
рассказ
а в 18
тий —
слабые,
которы
жителей
ния ра
нов от

разовании отчасти пополнялись чтением, но и оно носило бессистемный характер. Стихи Фофанов начал писать с тринадцатичетырнадцатилетнего возраста. Домашние не сочувствовали его литературным занятиям, и это привело к уходу поэта из семьи.

Девятнадцать лет Фофанов выступил впервые в печати со стихами «Из библейских мотивов» в газете «Русский Еврей» от 8 июля 1881 года (под псевдонимом «Комифо», составленным из начальных слогов имени, отчества и фамилии поэта). С этого времени началась его постоянная работа в различных повременных изданиях. В восьмидесятых годах он помещал лирические стихотворения и поэмы в «Новом Времени», «Всемирной Иллюстрации», «Восходе», «Устоях», «Игрушечке», «Веке», «Живописном Обозрении», «Роднике», «Наблюдателе», «Нови», «Звезде», «Севере», печатал юмористические стихи в «Осколках» (под псевдонимом «Барон Клякс»), наконец, испытывал свои силы в прозе, опубликовав в 1882—1883 годах в «Веке» два рассказа — «Злополучная» и «Часы украли», а в 1888 году в «Русском Богатстве» третий — «Первые цветы» (это были очень слабые, сентиментальные произведения, в которых не обнаруживалось даже простой житейской наблюдательности; от продолжения работы в прозаических жанрах Фофанов отказался после первых же неудачных

шагов. Несмотря на довольно значительное количество стихотворений, появившихся в повременной печати, имя Фофанова оставалось до конца восьмидесятых годов малоизвестным. Едва ли не первым, печатно выразившим одобрение молодому автору, был С. Я. Надсон, расцвет популярности которого совпал с начальными годами литературной деятельности Фофанова. Одно из критических обзоров в майских номерах газеты «Заря» за 1886 год Надсон заканчивал следующими строками: «Два слова о поэзии: упорно надеясь рано или поздно заинтересовать читателя русской поэзией, обыкновенно игнорируемой нашей критикой, я обращаю его внимание на молодого поэта г. Фофанова, обладающего, по-моему, большим дарованием чисто художественного оттенка. К сожалению, г. Фофанов преимущественно печатался в мелких журналах и поэтому известен немногим». В подтверждение своих слов Надсон выписывал целиком стихотворение «Когда, удалившись от зол суеты...» и продолжал: «Стихотворение это не без недостатков, но романс из него вышел бы прелестный, певучий, грациозный...» Этот беглый отзыв, перепечатанный в год смерти Надсона в отдельном издании его «Критических очерков», явился рекомендацией, побудившей литературные круги обратить большее внимание на начинающего поэта.

Весной того же 1881 года, в котором

Фофанов дебютировал в печати, он познакомился со своей будущей женой, Лидией Константиновной Тупыловой, в то время четырнадцатилетней гимназисткой. Знакомство состоялось через сестер поэта и началось с просьбы написать стихи в альбом. Наивные полудетские отношения, окрепшие с годами, получили отражение в некоторых циклах ранних лирических стихов Фофанова (стихотворение «Ты помнишь ли, подружка юных дней...» и др.). Стесненные материальные обстоятельства принудили Тупылову еще до окончания учебного курса оставить гимназию и заняться педагогической работой. К этому времени относится первое формальное брачное предложение Фофанова, отвергнутое невестой по настоянию матери (родственники девушки относились резко отрицательно к ее роману и неоднократно запрещали ей продолжать знакомство с поэтом, «солидность» которого не внушала доверия). Тупылова переехала воспитательницей в Кронштадт и собиралась уйти в монастырь (см. связанные с этим эпизодом стихотворения «О келье мрачной и печальной...» и «Когда, удалившись от зол суеты...»). Вынужденная разлука не охладила уже определившихся чувств, и когда в начале 1887 года выход первой книжки стихов несколько укрепил материальное положение Фофанова, он сделал вторичное предложение Л. К. Тупыло-

вой, — летом 1887 года состоялась их свадьба.

Первый сборник «Стихотворений» К. Фофанова, выданный книгоиздательством Г. Гоппе, вызвал в общем малоодобрительные критические отзывы. Однако, если выход этого томика не укрепил репутации поэта в широких читательских слоях, то заставил отнестись к нему внимательнее в литературном кругу. Выше уже приводился отзыв Надсона. А. П. Чехов писал 12 января 1888 года Д. В. Григоровичу: «Из поэтов начинает выделяться Фофанов. Он действительно талантлив, остальные же, как художнику, ничего не стоят». Рассказывали, что маститый А. Н. Майков в каком-то литературном доме обратился к собеседникам с вопросом: «Знаете ли, господа, кто, по-моему, у нас теперь самый талантливый, самый крупный поэт, приближающийся к Пушкину?», и, не дождавшись ответа, заключил: «Это наш приятель Фофанов! В нем сидит необычайное дарование, удивительное чутье, и будь он начитан и образован, это была бы гордость русской литературы».¹

У Фофанова составилась довольно широкий круг литературных знакомств. Он сблизился с И. И. Ясинским, Д. С. Ме-

¹ С. У--ц, Из литературного прошлого нашей столицы, „Наша Старина“, 1915, кн. 6, стр. 517.

режковским, В. И. Бибиковым, М. Е. Альбовым, К. С. Баранцевичем, Л. Е. Оболенским, Н. С. Лесковым, познакомился с Я. П. Полонским, А. Н. Майковым, А. Н. Плещеевым, был частым посетителем поэтических пятниц у Полонских, литературных вечеров у И. Ф. Горбунова, А. И. Лемана, В. А. Величко. Особенно дружелюбные отношения связывали Фофанова с знаменитым художником И. Е. Репиным, написавшим в 1888 году известный портрет поэта с обращением ввысь, горящим вдохновенным взором. В отрывочных воспоминаниях Репин рассказывал о Фофанове:

«В нем было что-то вулканическое... горел он всегда собственным, вечно неведанным, вечно новым огнем. Его личный свет был до невероятности разнообразен и неровен... Как бы ни была бедна, тесна, неудобна и уж совсем не комфортабельна обстановка его кабинета, стоило только ему начать чтение своей пьесы, все преображалось. Он был уже неузнаваем: куда девалась эта манера одичалости, застарелой бедности. В нем уже светилось ярко и сильно самосознание, самоуважение... В половине восьмидесятых годов прошлого века в моей мастерской, у Калинкина моста, собирались литераторы и художники, и часто фигура Фофанова была центром вдохновенного подъема всего собрания. Голос поэта гремел и властно увлекал слушателей;

давшие становились на стулья, на платформы моделей, чтобы лучше видеть и яснее слышать автора сонетов. Поэт был неузнаваем; в нем являлось нечто царственное в жестах. Живописные волны светлых волос делали красивой эту страстную голову. Он внушал высокое, положительное настроение». ¹

В этом почти восторженном рассказе Репин по вполне понятным причинам умолчал о том, что импонировавшее слушателям возбуждение Фофанова носило часто искусственный характер, что уже в эту пору он страдал хроническим алкоголизмом, искажившим в дальнейшем жизнь писателя и неоднократно приводившим его в палаты психиатрической больницы.

Конец восьмидесятых годов был, по свидетельству Л. К. Фофановой, самым счастливым периодом в жизни поэта. Эти годы были также наиболее плодотворными в его литературной деятельности. Не прекращая работы в газетах и мелких журналах, он вступает в число сотрудников толстых ежемесячников — «Русской Мысли», «Русского Богатства», «Северного Вестника». Уже через два года после выхода первого сборника «Стихотворений» из вновь написанных стихов составилась второй томик, выпущенный издательством А. С. Суворина

¹ Газета „Дачница“, 1912, № 1.

весной 1889 года. Однако первый относительно светлый период жизни Фофанова завершился тяжелым нервным заболеванием — галлюцинаторным помешательством, потребовавшим продолжительного лечения и ставившим под сомнение возможность дальнейшей литературной работы.

По выходе из больницы, в которой Фофанов провел шесть месяцев, он поселился по совету врачей с семьей в Гатчине (с 1890 года). Здесь прошли следующие тринадцать лет жизни поэта. Л. К. Фофанова открыла в Гатчине небольшое приготовительное училище для мальчиков и девочек. В нем не собиралось больше восемнадцати ребят, но педагогические заработки жены вместе с литературными гонорарами мужа позволяли Фофановым кое-как сводить концы с концами, хотя с каждым годом это становилось труднее: семья выростала, а жизнь самого К. М. Фофанова приобретала все более беспорядочный характер.

Самыми крупными событиями в биографии поэта этого периода были даты появления отдельных изданий его стихов. В 1892 году книгопродавцем М. В. Поповым был выпущен сборник «Тени и тайны» — самая лучшая и зрелая книга Фофанова. В 1896 году А. С. Суворин издал в пяти частях его «Стихотворения»: часть I — «Маленькие поэмы», часть II — «Этюды в рифмах», часть III — «Снегурка»,

часть IV — «Майский шум», часть V — «Монологи» (в этом издании была перепечатана большая часть материала из тома «Стихотворений» 1889 года, но не вошла ни одна пьеса из сборников 1887 и 1892 годов, сохраняющих, таким образом, самостоятельный интерес). Наконец, в 1900 году А. С. Суворин издал еще одну книгу Фофанова — объемистый том «Иллюзий» (в него вошли стихотворения и поэмы, написанные во второй половине девяностых годов). По существу это был последний сборник стихов поэта. В 1910 году вышли две его небольшие брошюрки — «После Голгофы» (цикл поэтических стихотворений, занимавших, вообще говоря, значительное место в творчестве поэта) и «Необыкновенный роман», — написанная еще в 1899 году, но отвергнутая всеми редакциями неудачная поэма в октавах на тему пушкинского «Домика в Коломне». Эти книжечки не преследовали, однако, цели объединения написанных после «Иллюзий» произведений, и разбросанные по многочисленным газетам и журналам стихи Фофанова последнего десятилетия его жизни ни разу собраны не были (перечисление всех изданий, в которых поэт сотрудничал за эти годы, составило бы длиннейший список из десятков названий; постоянно печатались его вещи в «Новом Времени», «Русском Вестнике», «Журнале для всех», «Ниве» и «Литера-

турных приложениях» к «Ниве»; существенно отметить участие поэта в изданиях символистов — «Северных Цветах» и «Новом Пути»).

В 1904—1905 годах Фофанов жил в Новгороде и Старой Руссе. Здесь познакомился с ним А. М. Горький, рассказавший в письме к Вл. Смиренскому о своих встречах с поэтом: «Лично Фофанова я не знал. Видел часто на улицах Старой Руссы в 904 или 905 годах. Он был невыносимо, до страшного жалок, всегда пьяный, оборванный и осмеиваемый, но как бы ни был он сильно пьян, его небесно-голубые глаза сияли именно так, как это изобразил Репин... Несколько раз он присылал ко мне за деньгами... Сам Конст. Мих. был у меня лишь однажды и... совершенно пьяный. Я был болен, лежал; говорил он что-то бессвязное, непонятное, махал рукою в сторону курорта. Наконец я понял, что он ругает кого-то, бормочет нечто похожее на: «они лечатся, а мы умираем...» Потом спросил вина, и С. Т. Морозов увел его в столовую, где он, выпив, уснул на диване, а через час или два незаметно ушел...»¹

Последние годы жизни Фофанов провел в Петербурге и под городом, жестоко нуждаясь. В мае 1911 года в редакцию одного

---

¹ Вл. Смиренский, Из переписки с М. Горьким, «Жернов», 1926, № 6.

из столичных изданий пришла жена поэта и сообщила, что он безнадежно заболел. Это известие взволновало литературную общественность. Были найдены средства; больного перевезли в благоустроенную частную лечебницу доктора А. С. Камеразы на Васильевском острове. В тот же день состоялся врачебный консилиум, установивший у Фофанова крупозное воспаление левого легкого при общем крайнем истощении всего организма. 16 мая в положении больного произошло дальнейшее ухудшение, началось бредовое состояние, а 17 мая 1911 года, накануне 49-й годовщины рождения, К. М. Фофанов умер.

Отношение критики к творчеству Фофанова определилось в основных чертах при обсуждении первого сборника его «Стихотворений» 1887 года. Буквально во всех отзывах отмечалась крайняя неровность, неравноценность включенных в книгу стихов. Наряду с оригинальными и вполне зрелыми пьесами, обличавшими крупное дарование поэта, в ней было помещено много заурядных и даже совсем слабых, ученических стихотворений. «Талант г. Фофанова, — писал в «Новом Времени» пропагандировавший поэта В. Буренин, — действительно наивный талант: муза его поет, как поют птицы, не заботясь о том, что споется и как споется. И все, спетое этой музой в продолжении семи лет,

г. Фофанов поместил в сборнике без всякого разбора: удачное наряду с неудачным, серьезное наряду со вздорным. В книге более двухсот пьес; из числа их, конечно, следовало бы около трети исключить совсем, около трети сократить и тщательно обработать; тогда сборник производил бы впечатление несравненно более выгодное, чем теперь». ¹ В более резкой форме повторяли это же утверждение другие рецензенты.

То, что казалось при появлении первой книги стихов следствием молодости, невыработанности поэта — недостаточно строгое и критическое отношение к своему творчеству, неумение* отобрать наиболее удачные пьесы и ограничиться ими при подготовке книги, — повторилось при выходе дальнейших сборников. Ряд стихотворений Фофанова, поразивших современников своей напевностью, разучивался наизусть, вошел в хрестоматию, перелажался на музыку (например, его знаменитое «Звезды ясные, звезды прекрасные...»), вместе с тем многочисленные небрежности, неудачные обороты и кричащие созвучия искажали подчас его лучшие строки и давали повод к постоянным насмешкам. Анекдотическими сделались его «Луны двурогий диск» («Еще гарем не спал...») или каламбурное «Оку

---

¹ „Новое Время“, 1887, № 3957.

незримый», звучащее как «Окунь незримый» («Отче наш»).

По общему объему творческого наследия Фофанов принадлежит к числу плодовитейших русских поэтов. В его сборниках насчитывается около полуторы тысячи пьес — лирических стихотворений, поэм, драматических сцен, примерно столько же рассеяно по разнообразным изданиям, но во всей этой массе найдется лишь небольшое количество действительно безупречных произведений. Благодаря им он пользовался заслуженной популярностью среди современников, благодаря им он вошел в историю русской лирики.

При внешнем разнообразии поэзия Фофанова замыкается в узкий круг тем. Художественное зрение поэта сильнейшим образом обусловлено его романтическим мироотношением, носящим идеалистический характер. Для лирики Фофанова чрезвычайно типичен идеалистический мотив противопоставления поэзии и прозы, мечты и действительности:

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет — лазурное, ясное,
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница, ненастное.
В темном царстве влачится ряд
пасмурных дней,
А в лазурном — мгновенье прекрасное.

Тво
фанова
действ
аде, к
дни («
Мир и
мир ча
ата, —
ини, —
глубок
ми, «ск
чет», и

От
гывал,
мантис
(на н
оттого
снах и
лен ол
послед
же сл
тельно
откры
ее бле

И. Фоф

Творческое вдохновение, по мысли Фофанова, вырывает художника из власти действительности, в которой влекутся унылые, как близнецы похожие друг на друга дни («Лишь вымыслу возможна новизна!»). Мир искусства для него — мир вымысла, мир чаемого и воображаемого. Душа поэта, — рассказывает он в одном стихотворении, — заключена в таинственный сумрак глубокой пещеры, населенной змеями и гадами, «сквозь стены пещеры жизнь дико рокошет», но вот зажигаются огни вдохновения и —

Узорами радуг
Свивается плесень,
И слышатся звуки
Торжественных песен.

Оттого Фофанов так охотно разрабатывал, истолковывая их на субъективно-романтический лад, сюжеты волшебных сказок (на них построено большинство его поэм), оттого у него так много стихов о чудных снах и фантазиях. «Фантазиями» озаглавлен один из разделов его первой книги, а последняя названа «Иллюзиями». В тех же случаях, когда поэт обращался к действительности, он делал это не затем, чтобы открыть в ней поэзию, а чтобы украсить ее блестками своей искрометной фантазии.

Не правда ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой...

.....

А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок.

Нельзя сказать, чтобы эта субъективно-романтическая и насквозь идеалистическая концепция сложилась у Фофанова с первых же шагов его литературной деятельности или чтобы он придерживался ее вполне последовательно (в таком случае его поэзия не пережила бы своей эпохи). В многочисленных стихотворениях о призвании поэта (одна из излюбленных тем Фофанова) он намечал иные цели творчества, чем уход от действительности:

Нет, я буду писать по утру,
Ночь диктует волшебные сны,
Ночь пленяет мечтами меня...
Мы, поэты, должны
Петь волнения тревожного дня.

Вина за укрепление поэта на ложных эстетических позициях падает в значительной степени на реакционную критику восьмидесятых-девяностых годов и в первую очередь — на Буренина, законодателя литературных оценок «Нового Времени». К этому критику-реакционеру, воскрешавшему теорию «чистого искусства», обратился Фофанов со своими первыми стихотворениями и в течение длительного периода относился к нему как к своему художественному ру-

ководителю. Литераторы, сотрудничавшие в прогрессивной печати, отмечали, что «теория, уполномочивающая художника насвистывать и нацелкивать все, что взбредет в голову, имеет на г. Фофанова вредное влияние», что он «поступает по совету некоторых критиков, дозволяя своей фантазии вольно разгуливать по белу свету»,¹ а Буренин, травивший в своих фельетонах Надсона за демократизм и гражданственность его лирики, противопоставлял ему Фофанова, которого превозносил именно как представителя «чистого искусства». «Наивная, небрежная, даже порою неряшливая муза [Фофанова], говоря без всякого преувеличения, превосходит многих современных муз, раздуваемых quasi-либеральной критикой, столь благосклонной к фразистой рутине. У г. Фофанова есть то, чего не имеют разные стихотворные фразеры и балансеры на либерально-рифмованных фразах: у него есть свежий, непосредственный талант, его стихи блещут образами, искренним поэтическим чувством».² Подобные же похвалы Фофанову приходилось выслушивать и от рецензента официального «Правительственного Вестника», одобрявшего стихи поэта за то, что в них «обнаружилось отсутствие давно утомившей русскую читаю-

¹ „Русски Гедомости“, 1 86, № 9.

² „Новое Время“, 1887, № 3957.

щую публику тенденциозности, очевидное сочувствие идеалам чистого искусства.¹

Между тем тяга к действительности, пугавшей, но вместе с тем и манившей Фофанова, прорывалась в стихах поэта. Реалистическими тенденциями отмечена его «Весенняя поэма», реалистический сюжет положен в основу самого крупного по объему произведения Фофанова — «повести в стихах» «Поэтесса». Это — просторный рассказ о провинциалке, искавшей в наивном поэтическом творчестве выхода из мертвящего однообразия уездного быта, бежавшей от мужа в Петербург, но разочаровавшейся в своих талантах и умершей в глухой деревушке, куда она отправилась на борьбу с голодным тифом. В этой повести проskalзывали столь ненавистные литературным советчикам поэта демократические «тенденции», а для обрисовки деревни он нашел теплые слова, высказав надежды, оправдавшиеся в наши дни:

Простое, бедное селенье,
Избушки, крытые щепнем.
Плетень убогий огородов.
Но здесь еще невинным сном
Таится жизнь грядущих всходов —
Она проснется с новым днем!
Дай волю Ванькам и Парашам,
Дай свет их зоркому уму, —

¹ „Правительственный Вестник“, 1889, № 65.

И будет то, что в мире нашем
Еще не снилось никому!

Смутные, но несомненно демократические тенденции согревали многие сказки поэта (см., например, его поэму «Очарованный принц»), сказывались они и в его интересе к фольклору, но вполне свободно проявились только в вещах, к печати не предназначенных. В узком литературном кругу Фофанов славился как искусный версификатор, набрасывавший с поразительной быстротой и легкостью стихи на разнообразные случаи. Ни одно литературное собрание не обходилось без его импровизаций, из уст в уста передавались его экспромты и едкие эпиграммы, часто затрагивавшие политические темы. Но это была, так сказать, неофициальная область творчества поэта, не подлежавшая широкому оглашению. Сам он не сохранял своих импровизаций, его современники их не записывали, и до нас они дошли в самых скудных отрывках. Вот несколько образцов «потаенной музыки» Фофанова.

В 1907 году по поводу разгона Государственной думы второго созыва он писал:

Опять разогнана свобода.
Затмилась тучами заря.
Неволя русского народа
Есть воля русского царя.

К 1911 году относятся строки:

Я — убежденный демократ:
Душой кощунственной своею
Я не шучу. Я даже рад
Помочь и царскому лакею.
Но вот в чем горе и беда:
По знаку незнакомой феи
Лакей кричит мне «господа»,
А я — господ чиню в лакеи.

На обороте открытки, изображающей Дворцовую площадь и Александровскую колонну со статуей ангела, Фофанов набросал строки по поводу кровавой расправы царской полиции с революционными демонстрациями (стихи помечены 12 июля 1909 года):

Надо ангела терпеть,
Чтобы так терпеть,
Чтобы, видя дни гонень,
Молодежи избиенье,
Со столпа не улететь!

В свое время пользовались известностью стихи Фофанова, вызванные полицейскими преследованиями, которым подвергался Горький в Америке («В свободном городе Нью-Йорке поэтов лавры очень горьки...») надпись к портрету Николая II («Он вами властвует лет десять, но если хорошенько взвесить, портрета кажется мне мало: недоставало б вам повесить и самого оригинала»), эпиграммы на митрополита

Антония («Уже митрополит Антоний не пасть, а церковный скот...»), на бездарного поэта К. Р. — царского дядю Константина Романова («Великий князь — пиита малый...») и др.¹

Тем не менее значение «потаенной» политической поэзии Фофанова не следует преувеличивать. В его антиправительственных эпиграммах и стихах на случаи многофрондерского по отношению к самодержавию, но подлинного революционного пафоса в них нет и следа. Тяга к юмористически-каламбурному стилю проявляется в них гораздо отчетливее, нежели стремление к глубокой, разящей и разоблачающей сатире.

В сборниках стихотворений Фофанова общественные, а тем более злободневные мотивы представлены слабо. В ранних пьесах это — бледные отзвуки тем, гораздо полнее разработанных у Надсона: жалобы на торжествующее в мире зло (см. совершенно «надсоновское» и вместе с тем риторическое «Мир ликует в безумии алчном своем...»), жалобы на безвременное (см. гимн «Отошедшим»: «Мы робкое, большое поколение... мы к миру холодны, и мир к нам

¹ См. публикацию политических стихов Фофанова в № 60 (551) «Интер-турно Газеты» от 29 октября 1935 г., в Книжных Новостях, 1935, № 9, и 1937, № 11, а также и цитированной выше статье А. Измайлова в Историческом Вестнике, 1910, кн. 5.

равнодушен: мы не умеем жить!»), туманные мечтания о грядущем царстве справедливости («Что ни день, то новые желанья...»). Реакционные восьмидесятые годы сделали стихи Фофанова на общественные темы стихами пессимистическими, наметили в них мотивы отказа от демократизма, развили в его поэзии черты эстетства и импрессионизма, утвердили в них апологию «чистого» искусства. Даже в навеянных разгулом реакции стихах 1906—1907 годов чувство гражданской скорби выливается в смутные философские размышления (см. стихотворения «В мире душно и позорно...» и стансы «Когда войдут стремленья молодые...»). Написанная в 1906 году четырехактная драма в стихах «Железное время», посвященная революционным событиям, была запрещена цензурой и в печати неизвестна. В книгах и журнальных публикациях поэта гражданские мотивы занимают самое скромное место.

Фофанов — по преимуществу лирик, элегически настроенный певец интимных переживаний, и это роднит его с целой группой поэтов, порожденных общественной реакцией восьмидесятых и начала девяностых годов и «исповедывавших» идеи «искусства для искусства». — А. А. Голенищевым-Кутузовым, С. А. Андреевским, Д. Н. Чертелевым и др. Лучшие стихи Фофанова — стихи о природе, в них с наи-

большей полнотой проявилось его поэтическое дарование, они и количественно занимают первое место в его творческом наследии. Коренной петербуржец, не уезжавший на юг дальше Москвы, Фофанов улаблял очарование бедного северного пейзажа и умел находить для него точное выражение. И если в бесчисленных стихах о природе, служившей источником вдохновений ряду поколений, поэт неизбежно повторялся, то он находил этому, со своей точки зрения, убедительное оправдание, выраженное с чисто гейневской грациозной иронией:

Ты сказала мне: «Как скучно
Нынче пишут все поэты;
И у этого печалью
Переполнены сонеты.

Те же грезы, те же рифмы!..
Все сирени.. да сирени!..»—
И, зевая, опустила
Книжку песен на колени.

А над нами в это время
Горячо лазурь сверкала;
На песке узорной сеткой
Тень от веток трепетала.

В кленах зыбью золотистой
Блеск мигал, играя с тенью.
Пахло липами и медом
И цветущею сиренью.

И сказал тебе я: «Видишь,
Как прекрасны чары лета,
Но стары они, как вечность,
Как фантазия поэта...»

Поэзия Фофанова примыкает к классической русской лирике XIX века и ближе всего — к лирике Тютчева, Фета и Полонского. С ними роднят его тематика стихов и общие принципы лирической композиции, в частности поэтического словаря. Впрочем, творчество Фофанова пропитано литературными реминисценциями, и в список поэтов, так или иначе на него повлиявших, пришлось бы включить почти всех русских корифеев. Можно наметить десятки его стихотворений, являющихся перепевами классических образцов. Так, фофановские «Три блага» пересказывают «Три ключа» Пушкина, на тему «Воспоминания», с сохранением пушкинского метра, написано стихотворение «Горячею волной стучится кровь в виски...», «под Лермонтова» написано «Все в ней загадка или тайна...», «под Полонского» — роман «Помнишь, там, на той поляне...», а в стихотворении «Юность» неожиданно возникают ритмы никитинского «Вырыта заступом яма глубокая» (при совершенно иной тематике):

Юность забитая, юность бездольная,
Молодость шумная, молодость скромная,
Гимн я тебе посвящаю одной.

Однако, при всей близости к классическим традициям русской литературы, в поэзии Фофанова ясно дают себя знать декадентские, упадочнические черты, определяющие ее место в кругу предсимволистской поэзии, сближающие имя ее автора с именами «предтеч» русского символизма: К. Случевского, С. Андреевского, М. Лохвицкой и его первых «глашатаев»: Н. Минского, Д. Мережковского, Ф. Сологуба и др.

Фофанов — художник переходного типа.

Лучшие, сильнейшие, наиболее реалистические стороны его поэзии связывают ее с классикой. Но в творчестве Фофанова в то же время уже явственно проступают тенденции предсимволистской поры. С символизмом Фофанова роднит многое: и лирико-индивидуалистическая тема ряда стихов, и пессимистическое мироотношение, четко сказавшееся в стихотворениях, проникнутых чувством смутной и безотчетной тревоги («Двойник»), «Лабиринт», и особенно «Чудовище»), и реакционно-романтическое противопоставление мечты и действительности, сознательно «углубленное» символистами (Ф. Сологубом в первую очередь), и импрессионистские тенденции, превращающие его поэзию в ряде ее образцов в поэзию чувственных переживаний и заменяющие порой логическое развертывание лирической темы многих стихотворений поэта ассоциативным сцеплением

образов и звуков. Иначе говоря, с символистами Фофанова роднят как раз наиболее антиреалистические тенденции его творчества — тенденции, развивавшейся в нем (с наибольшей интенсивностью в его поздний период) под знаком отказа от классики.

Не случайно и декаденты в течение ряда предреволюционных лет окружали имя Фофанова уважением, граничащим с почитанием. В начале века Фофанов был привлечен символистами к участию в их печатных органах: альманахах «Северные Цветы» и журнале «Новый Путь». Крупнейший символист, организатор и вождь русского символизма Валерий Брюсов чрезвычайно высоко ценил Фофанова, называл его «настоящим, прирожденным поэтом», «поэтом-импрессионистом», особо выделяя такие его стихотворения, как «Чудовище» и «Старые часы», символика которого совершенно в духе ранне-символистского импрессионизма подчеркнута тщательно выписанной конкретностью деталей. «Демонстративно испытывал» фофановское влияние и декадентский поэт — эгофутурист Игорь Северянин (ныне скатившийся в эмиграцию), «углублявший» отрицательные, антиреалистические черты поэзии Фофанова, таких ее манерных произведений, как, например, поэма о «царевиче пылком Триолете» и др.

Фофанов — поэт переходного периода, один из тех писателей, творчество кото-

рых, еще связанное с классическими традициями, уже предвещало наступление декаданса и отказ от реализма, закрепленный в русской литературе символизмом с середины девяностых годов. Именно поэтому в наследии Фофанова для нашей советской поэтической культуры представляет наибольший интерес линия, выражающая стремление поэта к освоению и обогащению традиций классической поэзии.

Но и Фофанов «предсимволистский» не лишен для нас художественной и познавательной ценности. Ибо и те произведения его лирики, которые расчищали дорогу декаданству, остаются в большинстве своем художественно-яркими памятниками, с большой искренностью раскрывающими нам трагедию индивидуализма, выросшего и сложившегося в обстановке реакционных восьмидесятых годов.

М. Клеман

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашптали цветам сказки чудные,
Лепестки улынулись атласные,
Задрожали листы изумрудные,
И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные, —
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.
И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.
И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные.

Весенней полночью бреду домой усталый.
Огромный город спит, дремотою объят;
Немеркнувший закат дробит свой отблеск
алый

В окошках каменных громад.

За спящею рекой, в лиловой бледной дали,
Темнеет и садов, и зданий тесный круг.
Вот дрожки поздние в тиши
предребезжали, —

И снова тишина вокруг.

И снова город спит, как истукан великий,
И в этой тишине мне чудятся порой:
То пьяной оргии разнузданные крики,
То вздохи нищеты больной...

Шумят леса тенистые,
Тенистые, душистые;
Свои оковы льдистые
Разрушила волна.

Пришла она желанная,
Пришла благоуханная,
Из света дня сотканная
Волшебница весна.

Полночи мгла прозрачная
Свивает грезы мрачные;
Свежа, как ложе брачное,
Зеленая трава.

И звезды блещут взорамъ,
Мигая в небе хорами,
Над синими озерами,
Как слезы божества.

Повсюду пробуждение,
Любовь и вдохновение,
Задумчивое пение,
Повсюду блеск и шум.

И песня сердца страстная
Тебе, моя прекрасная,
Всесильная, всевластная
Царица светлых дум!

Бле.
Зар
Гру
И т
Что
Иль
Это
Веет
Там
На
Зво
И ж
И д
Бле.
Это
Веет
Дор
В з
И с
Мир
О,
Ско
Это
Раз

МАЙ

Бледный вечер весны и задумчив и тих,
Зарумянен вечерней зарею,
Грустно в окна глядит, — и слагается стих,
И теснится мечта за мечтою.
Что-то грустно душе, что-то сердцу больней.
Иль взгруснулося мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.
Там, за душевной чертою столичных громад,
На степях светозарной природы,
Звонко птицы поют, и плывет аромат,
И журчат сладкоструйные воды.
И дрожит под рососою душистых полей
Бледный ландыш склоненным бокалом, —
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.
Дорогая моя! если б встретиться нам
В звучном празднике юного мая
И сиренью дышать, и внимать соловьям,
Мир любви и страстей обнимая, —
О, как счастлив бы стал я любовью твоей,
Сколько грез в моем сердце усталом
Этот май-баловник, этот май-чародей
Разбудил бы своим опахалом.

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей;
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с аязгом экипажей.
Движенью пестрому не виделось конца;
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.
Я шел рассеянно: аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдалеку заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.
Я видел серебро сверкающих озер,
Сережки вербы опущенной,
И серых деревень заплаканный простор,
И в бледной дали лес зеленый.
И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незлобивой моей
Мне в душу слал благословенье.

✓
Не правда ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой,
Нем соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной,
И друг влюбленных — месяц ясный —
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок.

В них белопенные каскады
Шумят, свергаясь с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.
В них ты, блистательная фея,
В них я, восторженный боец,
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

НЕЖНЫЕ ПИСЬМА

Перебирая вновь украдкой
Все письма нежные твои,
Я окрылен был местию сладкой
И упоен тоской любви.

Я говорил небесным высям:
Сотрите бурей и грозой
Слепые знаки этих писем,
Так чудно лгавших предо мной.

Я говорил свечам горящим:
Пожрите их своим огнем,
И пусть не лжет мне в настоящем
Раз обманувшее в былом.

Развейте их налетом шумным, —
Я буйно ветры умолял,
Но сам я в бешенстве безумном
Их уничтожить не дерзал.

Так жаждет зла и разрушенья
Былым святыням ренегат
В час малодушного моленья,
Тоской и трепетом объят.

Что ни день, то новые желанья
В жизнь вливают свежую струю;
Что ни день, то новые страданья
Мир заносит в летопись свою.

Но сияет небо равнодушно
Над землей — гнездилищем людей —
И, законам вечности послушно,
Льет мерцанье ласковых лучей.

И пройдут под солнцем мириады
Горьких дней роптания, пока
Не найдут печальные усадьбы,
Не найдут голодные куски.

В неприглядных стенах заключен я давно:
Яркий месяц глядит безучастно в окно,
И решетка окна полосатым пятном,
Словно призрак, легла на полу земляном.
За стеною моей заключенный сосед
Все о волюшке вольной поет много лет,
А в полночь с мостовой, безрассветна как
мрак,

Мне доносится песнь запоздалых гуляк;
О неволе та песнь, о неволе крутой,
Что раскинулась вширь за тюремной стеной.
Я сижу и грущу. Вкруг тоскующий вид,
Який месяц в окно безучастно глядит,
И решетка окна полосатым пятном.
Точно призрак, легла на полу земляном.

Это было когда-то давно!
Так же ты мне шептала: «Молчи»,
И роняло косые лучи
Заходящее солнце в окно.

Или сон позабытый пришел
Так внезапно на память мою?
Или миг, что сейчас я обрел,
Тайно в сердце давно уж таю?

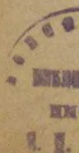
Заходящее солнце в окно
Золотые роняет лучи.
Ты чуть слышно шепнула: «Молчи».
Это было когда-то давно!

Отз
Дог
Нет
Нет

Тол
В с
Бре
Как

И
Вос
Сле
Пес

Тар
По
Тар
По

«Стихотворения» 1889 г.

Отзвучали струны сердца,
Догорели краски дня;
Нет огней в природе сонной,
Нет в душе моей огня.

Только где-то сиротливо
В бледном сонме дум моих
Брезжит свет воспоминанья,
Как звезда небес ночных.

И томительно и сладко
Воскресают предо мной
Слезы прежнего страданья,
Песни радости былой...

Так последним блеском тлеет
Под золою уголек.
Так под первым снегом дышит
Поздней осени цвeток!

Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови
Из мира светлых чар и царственной любви...
В нем все знакомо мне, все мило с

колыбели —

И звучных соловьев раскатистые трели,
И розы белые, и белые стихи...
Я в сердце их взрастил, я напоил их кровью;
Я их люблю мучительной любовью,
Как любит старость юные грехи...
Доступны только мне те страны неземные,
Их звонкие ручьи, их гроты голубые,
Их звезды бледные, как блеск моих очей,
Их темные леса, как скорбь души моей,
Их волны звучные, как стих мой перекатный,
И пышный их цветник, как греза, ароматный,
Где реют и жужжат элегии свои
На утренней заре тяжелые шмели...
И даже мшистые руины и могилы
Их сумрачных степей мне дороги и милы,
Как лоскутки знамен — для дряхлого бойца,
Как песня старая — для нового певца...

Вечернее
В лиловом
Все пред
Но в эт
Читаю,

И мнитс
Склонен
И лес т
Все это
Того, чт

Все это
Живущег
Где мно
Где мно
Так мно

Вечернее небо, лазурные воды,
В лиловом тумане почившая даль, —
Все прелестью дышит любви и свободы,
Но в этом чарующем лике природы
Читаю, как в книге, свою же печаль.

И мнится, что все под лазурью румяной:
Склоненные ивы над сонным прудом,
И лес темносиний за далью туманной, —
Все это лишь призрак обманчиво-странный
Того, что созиждилось в сердце моем.

Все это — отрывок поэмы певучей,
Живущей глубоко в душе у меня,
Где много так веры и страсти кипучей,
Где много так жажды к свободе могучей,
Так много печали и много огня!

Заря вечерняя, заря прощальная
На небе ласковом тепло румянится...
Дорога длинная, дорога дальная,
Как лента синяя, пестрея тянется.

Мечтаю сумрачно, гляжу рассеянно.
Душа отзывчивей, сны суевернее...
И как печаль моя, как дым развеяна
Заря прощальная, заря вечерняя.

1888 г., май

Нет, мир
Что мир
И вечер
В моей

Оставил
В моих
Обворо
Навек ж

Пройдут
В дни
Он буд
На тем

Так в
Чрез м
Она те
Но хол

1887 г., и

Нет, мне не жаль, что умер этот день,
Что мирная природа засыпает,
И вечер шлет лазоревую тень, —
В моей душе угасший день сияет!

Оставил он свой отблеск золотой
В моих мечтах, согретых теплой лаской,
Обворожив блистательною сказкой,
Навек живым остался он со мной...

Пройдут года... сквозь мглу почивших лет,
В дни черные, в дни скорби предзакатной,
Он будет мне бросать свой теплый свет
На темный путь, как гений благодатный...

Так в небесах померкшая звезда
Чрез много лет по смерти блещет миру...
Она тепла для смертного тогда, —
Но холодна далекому эфиру.

1887 г., июль

ВДОХНОВЕНИЕ

Как хорошо при лампе одинокой
В тиши ночей обдумывать свой труд!..
Душа кипит, и образы плывут,
Как млечный путь, толпою звездокой.
Младенческий и сладостный восторг
Стесняет грудь... слеза дрожит во взоре..
Счастливая! — бог грез ее исторг
Из родников растаявшего горя.
Еще к земле прикован чуткий слух,
Но к небесам уже подняты крылья..
Еще порыв... еще одно усилие —
И новый мир объемлет гордый дух..
Для жарких снов раскрыт чертог ужа,
И памяти рассеянная тьма
Яснеет вновь; бывшее воскресает..
Но кончен труд; остыл сердечный жар,
Развеялись виденья милых чар..
Алтарь погас... и жертва остывает.

Я знак
Она в
Чтоб у
И взво

Я знак
Она зе
Ее дав
Но в п

Я знаю грусть: певуча как песнь,
Она в душе рождается случайно, —
Чтоб утомить, как тяжкая болезнь,
И взволновать, как призрачная тайна..

Я знаю песнь: в душе моей как грусть
Она звучит то нежно, то сурово;
Ее давно твержу я наизусть,
Но в ней мечтам все ярко и все ново.

✓ Я сидел у окна, я смотрел в полутьму,
В задремавший, рососою обрызганный сад;
Я смотрел, как, зеленых ветвей бахрому
Наклоняя, березы безмолвно грустят,
Как чуть зыблились маковки трепетных верб,
И как в бледной далекой лазури небес
Выплывал и яснел грустный месяца серп,
Наполняя мне сердце игрою чудес.
Я сидел у окна — и смотрел в полутьму,
И не знаю — взгрустнулося мне почему,
И не знаю — зачем непонятный восторг
Из мятежного сердца созвучья исторг. —

NOTTURNO

Не мечты ли мне напели
Этот бред и этот сон...
Иль в ту ночь на самом деле
Был я болен и влюблен...
Я горел; писал безумно
И написанное рвал;
Открывал окно бесшумно,
Открывал и закрывал.
Выходил, дрожа волненьем,
На балкон и на крыльцо.
Ночь душистым дуновеньем
Обвевала мне лицо.
Точно блеском лунной пылав
Был осыпан влажный сад,
И цветы луне кадили,
Как богине, аромат.
Я глядел... пылали очи...
Точно сам я был творцом
Этих звезд и этой ночи,
Серебрящейся кругом;
Точно сам растенья эти
Я рососою напоил,
Точно я один на свете
Плакал, мыслил и любил...

Дрожащий блеск звезды вечерней
И чары вешние земли
В былые годы суеверней
Мне сердце тронуть бы могли.
А ныне сумрак этот белый,
И этих звезд огонь несмелый,
И благовонных яблонь цвет,
И шелест, брезжащий по саду, —
Как бледный призрак прошлых лет, —
Темно и грустно блещут взгляду.
Хочу к бы.ему я воззвать,
Чтоб вновь верней им насладиться:
Сны молодые попытать,
Любви забытой помолиться!..

КУКУШКА

Гаснет вечер, гаснет небо
В бледном золоте лучей.
Веет тихою печалью
От безлиственных аллей.

Даль пронизана туманом,
Точно пылью голубой.
Пахнет свежю травою
И увядшею листвою.

Все полно безмолвной неги,
Только в зелени сосны,
Будто медленные стоны,
Звуки мерные слышны, —

То, встречая праздник мая
В ароматной тишине,
Одинокая кукушка
Об иной грустит весне.

Я люблю ее глухое,
Похоронное ку-ку;
В нем я слышу наши слезы,
Нашу вечную тоску.

И, обычай суеверный
Наблюдая по весне,
Я шепчу лесной кукушке:
«Сколько жить осталось мне?»

И пророчица-кукушка
С безмятежною тоской,
Точно слезы, сыплет годы,
Сыплет звуки надо мной.

Я считаю их прилежно:
Десять... двадцать... тридцать лет!..
Нет, кукушка, ты ошиблась,
Льстив и ложен твой ответ.

Неужель еще так много
Дней печали и борьбы,
Дней тревожных увлечений
В тайниках моей судьбы?

Неужель еще придется
Мне оплакивать друзей,
Чье участие сердце грело
На рассвете юных дней.

Нет, кукушка, ты ошиблась!
Жизнь в начале хороша,
В дни, когда кипит восторгом
Окрыленная душа.

Но не сладко встретить старость,
Чтоб утраты вспоминать
И, как ты в своей печали,
К одиночеству взывать!..

1889 г., май.
Царское Село

ет!..

Еще дрожит последняя слеза
В моих очах, в моем потухшем взоре,
Но пронеслась суровая гроза,
И улеглось рыдающее горе.
Еще дрожит печальная струна,
Но скорби песнь последняя уж спета.
Опять душа спокойствия полна
И холодно внимает шуму света.
Лишь в сомне грез, как в белых облаках
Ночных зарниц неверное блистанье,
Сияет мне в изменчивых мечтах
Тяжелое души воспоминанье...

Дро
Све
Шу
Грем
Най

Она
Она
И л
Ей
Что

Что
И о
Хол
Что
И с

МЕЧТА

Дрожит ли зыбь серебристого ручья,
Сверкает ли вечерняя зарница,
Шумит ли лес, иль песня соловья
Гремит в кустах, — везде мечта моя
Найдет приют, как властная царица.

Она живет с природой заодно;
Она в ручье купается наядой, —
И ложе ей из мхов цветущих дно...
Ей все любить, ей все понять дано,
Чтоб пролететь мгновенью усладой;

Чтобы на миг блеснуть в душе моей
И озарить улыбкой суеверной
Холодный мрак моих печальных дней,
Чтоб исцелить минутный яд страстей
И скрасить жизнь красою лицемерной...

У ПОТОКА

Я слушал плеск гремучего потока,
Он сердца жар и страсти усыплял.
И мнилось мне, что кто-то издалека
Прощальный гимн мне братски посылал.

И мнилось мне, что в этом влажном шуме
Таинственно и мирно я тону
Всем бытием, — как в непонятной думе,
Клонящейся к загадочному сну.

И тихо жизнь как будто отлетала
В безмолвную, задумчивую даль,
Где сладкая баюкала печаль
И нежное волнение волновало...

С п
Пре
Мне
И з
Где
Где
Где
И п

Сад
Тем
Осо
Ког
Зав
При
Нер
И п

Так
Дов
Кум
Зат

ДУМА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

I

С природою искусство сочетав,
Прекрасны вы, задумчивые парки;
Мне мил ковер густых, хранимых трав
И зыбкие аллеи прохладных арки,
Где слаще мир мечтательных забав,
Где тень мягка и где лучи не ярки,—
Где веет все давно забытым сном
И шепчутся деревья о былом.

II

Сад, как вино, чем старше — тем милей,
Тем больше в нем игры и аромата,
Особенно он дорог для очей,
Когда искусство несколько помято
Завистливым соперником людей —
Природою, которая богата
Неряшеством и чудной красотой,
И гордостью, доступной ей одной.

III

Таких садов близ царственной Невы
Довольно есть. Сады увеселений —
Кумирни мелкой прессы и молвы —
Затмили их. Так фокусника гений

Свет разума и мудрость головы
Тмит мудростью лукавою движений.
Но славу тех резвящихся садов
Переживут сады больших дворцов.

IV

Меланхоличен царскосельский сад
И тем милей мечтателям угрюмым;
Он вас чарует прелестью баллад,
Приветствует спокойно-важным шумом.
В нем вечером люблю встречать закат,
Предавшись своим певучим думам.
Войдемте же в него мы; много в нем
И выходов и входов есть кругом.

V

Ведущие в ласкающую даль
Как хороши тенистые аллеи!
Там что ни шаг — то будят в вас печаль
Угасших лет невинные затеи:
То пруд блеснет, прозрачный как хрусталь,
То статуя Амура иль Психеи
На вас глядит, кокетливо грустя, —
Столетнее, бездушное дитя!

VI

А там, в тени благоуханных лип
Стена и вал искусственный руины,
Где бледный мох и толстогубый гриб
Уже взросли для полноты картины.

Мы нечто там еще встречать могли б,
Когда бы страж таинственной долины,
Ютящийся в развалине с семьей,
Не наблюдал за скромной чистотой.

VII

А дальше ряд душистых цветников,
Подстриженных акаций изгородки
И мостики над зеркалом прудов,
А на прудах — и лебеди и лодки,
И в сумраке задумчивых кустов
Печальный лик склонившейся красотки:
Она грустит над звонкою струей,
Разбив кувшин, кувшин заветный свой.

VIII

Она грустит безмолвно много лет;
Из черепка звенит родник смиренный,
И скорбь ее воспел давно поэт,
И скрылся он, наш гений вдохновенный,
Другим певцам оставив бранный свет;
А из кувшина струйка влаги пленной
Попрежнему бежит не торопясь,
Храня с былым таинственную связь.

IX

О время, время! Вечность родила
Тебя из мглы бесчувственного лона.
Ты вдале летишь, как легкая стрела,
И все разишь; чужда тебе прелона!

Давно ли здесь кипела и цвела
Иная жизнь? У женственного трона
Писатели, министры и князья
Теснились, как важная семья.

X

То был рассвет и вкуса, и ума;
От Запада текло к нам просвещение.
Императрица мудрая сама,
Устав от дел, искала вдохновенья.
И роскошь мод, как сладкая чума,
Объяла всех восторгом увлеченья,
И жизнь текла, как шумный карнавал,
И при дворе блистал за балом бал.

XI

И снится мне, что ожил старый сад;
Помолодели статуи в нем даже.
У входов стройно вытянулись в ряд
Затейливых фасонов экипажи...
В аллеях томных вкрадчиво шумят...
Мелькают фижмы, локоны, плюмажи...
И каламбур французский заключен
В медлительный и вежливый поклон.

XII

Огни сверкают факелов ночных,
Дрожащий свет скользит в кустарник
тощий.
Меж гордых жен в нарядах дорогих,
Украшивших искусственные рощи,

Под
Одна
И б
Ее,

Года
Под
Всем
Но
Не
Но
И л
Злос

Да,
Не
На
Мы
В на
Из
Ах,
Все

И с
Мне
На
Один

Мечтатель бродит. Блеск его очей
Из-под бровей густых и соболиных,
Загар лица, курчавый пух ланит, —
Все в нем душе так много говорит.

XVI

Рассеянно к скамье подходит он,
С улыбкою он книгу раскрывает;
Задумчивостью краткой омрачен,
Недолго он внимательно читает...
Из рук упал раскрытый Цицерон...
Поэт поник и что-то напевает.
И вот, смеясь, набросил на листе
Послушный станс невинной красоте.

XVII

Святая тень великого певца!..
Простишь ли мне обманчивые грезы?
Уж ты погиб, до горького конца
Сокрыв в груди отчаянье и слезы.
Но вечен луч нетленного венца
Во тьме глухой житейских дум и прозы,
И славные могилы на земле,
Как звезды в небе, светят нам во мгле.

XVIII

Счастливые! Их сон невозмутим;
Они ушли от суетного мира.
И слава их, как мимолетный дым,
Еще пьянит гостей земного пира.

И зависть зло вослед смеется им,
И льстивый гимн бренчит небрежно лира.
Но клевета и лесть, как жизнь сама,
Не тронут им ни сердца, ни ума.

ХІХ

А сколько лиц без славы в глубь могил
Ушло с тех пор, как этот парк унылый
Гостеприимно сень свою раскрыл!
Здесь мальчиком когда-то брат мой милый
Гулял со мной. Расцвел и — опочил
Он, нежный друг, согретый юной силой,
Желавший жить для дружбы и добра,
Он смертью взят от кисти и пера...

ХХ

Прости, прощай, товарищ детских лет!
Под бурями мучительного рока
Слабею я, в глазах темнеет свет;
Я чувствую, что срок мой недалек!..
Когда в душе предсмертный вспыхнет бред,
Увидит ли тебя большое око;
Придешь ли ты, чтоб в мир теней вести
Усталого на жизненном пути?..

Царское Село. 1889 г.

Как быстро год прошел! Как медленные дни
Томительно текли! Как много раз они,
Встречая ласкою, прощались огорченъем,

Как много раз моя душа
Кипела буйным вдохновеньем,
Любить и чувствовать спеша.

Как часто с трепетным и злым негодованьем
Готов предаться был я пламенным рыданьям
И, не рыдая, тлел в агонии страстей!

Как много раз с судьбою споря,
Над бездною ужаса и горя,
Молил я солнца ясных дней!
Но робкая судьба, как тусклый день, текла
И скупо счастье дарила,
И душу сонную томила
Кругом сгустившаяся мгла.

Без слез я проклинал, без злобы ненавидал,
Без сожаления в прошедшее смотрел,
Без упования грядущее я видел
И холодно пытал нерадостный удел!

Отходят с
Под свода
И лав
И смерти
Они родил
В дни
В те дни,
Не озари
При них
От них по
Над п
Понятна и
Благос
Страдая и
Их ест
А мы! М
Смирив в с
Мы все хо
Но цель п
Мы к мир

Мы не

1889 г., август

К. Фофанов—

ОТОШЕ "ШИМ

Отходят старые глашатаи свободы
Под своды вечные, под гробовые своды,
И лавры провожают их,
И смерти торжеству взимает скорбь живых!
Они родились в мятущиеся годы,
В дни предрассудков роковых.
В те дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мрак отчизны дорогой...
При них порвались гнилого рабства звенья,
От них повеял дух благого просвещенья
Над пробужденную страну.
Понятна их борьба, разумна их тревога,
Благословен их трудный путь...
Страдая и любя, они творили много,
Их есть чем помянуть!
А мы! Мы робкое, больное поколенье,
Смирив в своих сердцах пытливое волненье,
Мы все хотим простить и все благословить,
Но цель погоряна, кумир давно разрушен...
Мы к миру холодны, и мир к нам
равнодушен:

Мы не умеем жить!

1889 г., август

ЛИСТЬЯ

Ветер плачет за окном,
Ветер мечется и стонет
И невидимым крылом
Золотые листья гонит.
Листья падают с берез,
Листья шумно бьют тревогу. —
Сердце жалобят до слез,
Сердце внемлет понемногу
Их взволнованным речам, —
Ропщут листья по ветвям:
«Страшно в сумраке ночном
Опадать с ветвей родимых,
Гнить и мокнуть под дождем,
Дрогнуть в стужах нестерпимых!
Для того ли по весне
Мы цвели и трепетали,
Для того ли в полусне
Ветру сказок нашептали, —
Чтоб он в осень нас сорвал,
Умертвил и разметал!
Ой ты, ветер неразумный,
Ветер вольный, ветер шумный!
Ты гони нас поскорей
К волнам северных морей.

Мы расскажем волнам белым,
В страхе, в стуже поседелым,
Все, чему весной могли
Научиться у земли,
И о чем и почему
Мы рыдали в дождь и тьму, —
И когда весной станут
Волны плыть, кочуя вдаль, —
Пусть расскажут, пусть помянут
Наши сказки и печаль!»

Прекрасна ты, осенняя пора!
Задумчивой природы увяданье,
Седой туман в час раннего утра,
Лучей и птиц прощальная игра, —
Все будит грусть и сны очарованья!
Прекрасна ты, осенняя пора!
От детских лет печальный северянин, —
Люблю я шум заолодавших вод
И сонный лес когда он зарумянен
Дыханием осенних непогод.
Войду ли в сад — там смолкли птичьи хоры;
Он весь поник, — в нем поздние цветы
Облечены в последние уборы,
И ярче их махровые узоры
Пред бедностью грядущей наготы!
Войду ли я в редующие рощи, —
Прозрачные, багрянцами горя,
Они молчат; их дремлющие мощи
Уж обожгла сентябрьская заря!
Пойду ль к реке, — высоко ходят волны;
Суров, тяжел свинцовый их набег...
И тихую гармонию полны
Мои мечты, исполненные нег...
Живей встают забытые утраты,
Но не гнетут, не мучают оне —
Неясные, как сны, как ароматы,

Рожденные в осенней тишине.
Вновь кроткое доступно примиренье.
Вновь нежная слеза туманит взор...
И жизнь ясна, как светлое виденье.
Как милых строк разгаданный узор...

1889 г., август

ЖУРАВЛИ

Свежело. Астры отцветали.
Сквозное золото аллей
Чуть трепетало. Я в печали
Следил за лѣтом журавлей.
Они пугливо отлетали
К теплу полуденных морей!

Их стая в небе потонула. —
Я проводил их недвижим.
Вдоуг чем-то радостным пахнуло. —
Я счастлив счастьем стал чужим.
Моей душе отрадно было,
Что, бросив севера ночлег,
Они не встретят здесь уныло
Последний лист и первый снег.
И думал: так мечты поэта,
Звеня, стремятся от земли
К любви, в лазурь тепла и света,
Как вы, седые журавли...

ЗАТИШЬЕ

Точно рыдал я безумно и долго —
Так хорошо мне, мой друг дорогой!..
В сердце моем ни тоски, ни восторга,
Только покой в нем, глубокий покой.
Мирно гляжу я на пестрые краски
Юной природы — в ней гром отгремел;
Волны не мечутся в бешеной пляске,
В небе не видно мигающих стрел.
И над землею в замолкшей лазури
Радуги яркой блистает кольцо.
Ветер, как дань завоеванной бури,
Мне ароматы бросает в лицо.
Что-то далекое вспомнил невольно,
Память душе возвратила опять
Все, с чем расстаться казалось так больно.
Что никогда не хотел забывать.
Бури душевные, темные грозы
В сердце моем закипали не раз —
Ими убиты прекрасные грезы,
Сил благотворных весенний запас.
Буря промчалась; светло и согласно
Мчатся мечтанья веселой толпой!..
Точно рыдал я безумно и страстно,
Так хорошо мне, мой друг дорогой!..

Зашумел, закачался взволнованный сад,
Листья бьют боевую тревогу;
Быстро вихрь налетел и отпрянул назад,
Запылил и завихрил дорогу.

Распахнулись со скрипом ворота на миг,
Затворилось окошко со звоном.
На пруде громче уток испуганных крик,
Громче жалобы в мире зеленом.

Вот упала тяжелая капля... За ней
Шумно ливень серебряный хлещет...
И потоки звучней, и сквозь зелень ветвей
Озаренная даль уже блещет.

На ч
По се
Аром
И ме
По д
Возв
И во
Расст
И ка
Уплы
От т
И —

И по
У пр
Был

И, ка

ФАНТАЗИЯ

сад,
назад,
миг,
крик,
ветвей

На челне быстролетном я мчался один
По серебряной зыби заснувшей реки;
Ароматы неслися с прибрежных доли,
И мерцали далеких костров огоньки.
По цветущим изломам задумчивых гор
Возвышались бойницы, дворцы, терема,
И вокруг, как туман голубой, полутьма
Расстилалась, лаская внимательный взор.
И казалось мне, что я в царстве теней
Уплываю от грешной и хмурой земли,
От тяжелых забот, от безумных страстей,
И — как светлый маяк — блещет счастье
вдали.

И поспешней скользило по влаге весло,
У прибрежья тревожа испуганных птиц...
Был мой путь без конца, был мой мир без
границ.

И, как крылья, течение все дальше несло...

Умолк весенний гром. Все блещет и поет.
В алмазных каплях сад душистый,
И опоясала лазурный небосвод
Гирлянда радуги лучистой.

От ближних цветников запахло резедой,
В кустах резвей щебечут птицы;
Гремит неясный гром над высью золотой,
Как грохот дальней колесницы.

Трепещет влажный блеск, как искры, на
листве

Под освежительной прохладой...
Лягушка серая подпрыгнула в траве
И снова скрылась за оградой.

По мокрому шоссе, в мерцающем платке
Прошла усталая цыганка.
Кричат разносчики, и где-то вдалеке
Гнусит печальная шарманка.

Родил
Холо
Недо
С бе

Он н
И не
Снега
Он о

Увы
На п
И тар
Как п

Лишь
Для
И оп
Как ж

1890 г.,

С
Родился день, как поздняя любовь,
Холодный день, без звуков и — зарею
Недолгою блистая — слася вновь
С безжизненной, полуночною мглою.

Он не раскрыл душистые цветы
И не принес желаний сердцу новых.
Снега долин и глушь лесов сосновых
Он обманул улыбкою мечты...

Увылый день! — похожий, как близнец,
На прежние — и так же важно скучен,
И так же тих для памяти сердец,
Как вечность стар, как опыт однозвучен.

Лишь вымыслу возможна новизна!
Для правды нет ее у человека,
И опытом, затверженным от века,
Как жизнь, как смерть, развенчана она...

1890 г., декабрь

(ИЗ «ЦВЕТНИКА РОЗ» СААДИ)

Чем реже страсть, тем выше наслаждение;
Чем слаще сон, тем горше пробуждение;
Чем радужней пленительный обман,
Тем истины бледнее призрак голый;
Но чем трудней победы миг тяжелый, —
Тем легче смерть, тем легче язвы ран!

Ско
В а
В а
В а
Я
Тре
И
Точ

В а
Кли
И в
Кук

Но
Мед
И
Под

Сколько жизни, сколько блеску
В этом луге ароматном,
В этой ниве золотистой,
В этом небе предзакатном!

Я иду — и надо мною
Треплет жаворонок звонко,
И в лучах кружатся мошки,
Точно зыбкая воронка.

В алом клевере кузнечик
Кличет ночь, томясь от жажды,
И в бору уже кукушка
Куковала не однажды.

Но луна и звезды медлят,
Медлит ночь своим приходом,
И прощально день лепечет
Под горячим небосводом...

Взойдет заря, зайдет заря,
Мелькнет — как призрак — день,
И снова, звездами горя,
Плывет ночная тень.
В душе падучею звездой
Блеснет восторг на миг, —
И снова болен я тоской,
И снова я поник.
Усталым взором я слежу
За красками небес
И в сердце трепетном бужу
Игру былых чудес;
Былой любви, былой мечты
Невозвратимый след,
Исчез он в вихре суеты,
Его давно уж нет!
И как в ночи, ночи глухой,
Печальные огни,
Плывут и блещут предо мной
✓ Бесчувственные дни.

Осенни
Как сл
Осенни
Рокочу
Как сл
Осенни
Ты ко
Что х
Не спя
Опять
Зачем

Осенни
Тем, ч
Чей не
Чью ра
Но сла
Отраде
Кто мо
Зажечь
Осенни
Так ла

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

Осенний дождь, в безветренную тьму.
Как сладок шум твой сердцу моему...
Осенний дождь, в таинственную тьму
Рокочущий из тьмы небес беззвездной.
Как слезы бурные печали бесполезной!..
Осенний дождь, ты звезды погасил!
Ты колеи дорожные размыл!..
Что хочешь ты, — что ропотом тревожишь?
Не спящих ли во глубине могил?!
Опять весну ты возвратить не можешь.
Зачем же ночь так дерзко возмутил?

Осенний дождь, твой заунывен голос
Тем, чьих полей ты обманул весну, —
Чей не вспоил волнующийся колос,
Чью разбудил ночную тишину, —
Но сладок тем, кто непреклонен спит.
Отраден тем твой равномерный голос,
Кто мог теперь в безветренной тени
Зажечь труду, как я, свои огни!
Осенний дождь, не знаю почему
Так ласков шум твой сердцу моему.

Скользящему над гибельною бездной.
Осенний дождь, в безветренную тьму
Спадающий из тьмы небес беззвездной,
Как слезы бурные печали бесполезной.

И
Э
М
И

И
Э
Л
Б
Ч
Р
И
С

Н
Д
М
С

Ка
В
Н
Уг

ПЕЧКИ

На огонь смотрю я в печку:
Золотые города,
Мост чрез огненную речку —
Исчезают без следа.

И на месте ярко-алых
Золоченых теремов —
Лес из пламенных кораллов
Блещет искрами стволов;

Чудный лес — не долгов, скоро
Распадется он во прах,
И откроется для взора
Степь в рассыпчатых огнях.

Но и пурпур степи знойной
Догорит и отцветет;
Мрак угрюмый и спокойный
Своды печки обовьет.

Как в пустом, забытом доме,
В дымном царстве душной мглы
Ничего не станет, кроме
Угля, пепла и зэлы...

1883 г., январь

СКОШЕННЫЕ ТРАВЫ

Как много было по весне
Цветов, пестревших горделиво...
Одни в румяном полусне
Благоухали нам стыдливо;

Другие пышные цветы —
Гордяся венчиком прекрасным —
Дышали сладостней мечты,
Томясь волненьем сладострастным...

Одни любили блеск и зной,
Других изнежила прохлада;
Иные жизнь несли с собой,
Другие — смерть и холод яда...

И все струили аромат,
И каждый нес из почвы влажной
Свой нежный запах, свой наряд;
И долго плыл их вздох протяжный...

Мы все — цветы родных полей —
Весною юности капризной
Любили внойный зов страстей
И шум, навеянный отчизной...

ОСЕНЬ

День осенний, день унылый
Сеет мглою и дождем,
И разрытою могиллой
Пахнет в воздухе сыром...
Как больной, глядит сквозь слезы
Опечалившийся день
На поникшие березы,
На опавшую сирень...
Хмель засох вокруг беседки,
И летят со всех сторон
На обветренные ветки
Стаи черные ворон...
В их тревоге торопливой,
В резком крике слышны мне
Смех над долею счастливой
И укор былой весне...

Мы, нежного певцы, — таинственной судьбы
Всегда покорные и тихие рабы.
Нам дорог рифмы звон, как тощему скупцу
Звон гордый золота на жадной смене торга;
Услышим нежный стих — и слезы по лицу,
И холод в волосах от сладкого восторга.
Но, если в нашу жизнь ворвется иногда
Суровый ураган несчастья рокового,
Мы ропщем, мы скорбим, — но нет стиха
живого,
Чтоб выразить всю страсть печали и стыда.

МОРОЗНУЮ НОЧЬЮ

Покинул город я мятежный,
Как беспокойную мечту, —
И мчится поезд ночью снежной,
Роня искры на лету.

Еще видны во мраке сонном
Нас обступающих полей
Каким-то клиром похоронным
Ряды покинутых огней.

Как будто шествие ночное
При свете факелов вдали
Хоронит что-то роковое
И горделивое земли.

Но дальше, дальше! сумрак белый
Навстречу весело бежит;
Горит в алмазах помертвевый
Узор безлиственных раки.

Поля блестящею пустыней
Лежат вокруг — и свет луны
На нас рассыпал отблеск синий
Из многозвездной вышины.

Недвижный воздух жжет и щиплет,
И мнится: ночь, меж быстрых туч,
Не звезды, иглы с неба сыплет, —
Так блеск их радужный колюч.

Застыла и замер путь безмолвный, —
Но и безжизненным путем
Несется поезд, жизни полный,
С победоносным торжеством.

И оснеженные деревья,
Весну, как жизнь, в себе тая,
Встречают зимний гром кочевья
Сквозь сон и ужас бытия.

И любо им, в неуловимом
Морозе блещущей зимы,
Дохнуть на миг теплом и дымом
Людской свободы и тюрьмы.

Гатчина

ПОЗДНИЕ ОГНИ

Безмолвны немые громады,
Задумчиво город уснул;
Лишь поздние блещут лампы,
Да бредит усталый разгул.

Люблю подмечать я высоко
Огонь запоздалый в окне,
Угадывать, кто одиноко
Не дремлет в ночной тишине.

Не нового ль ждет постояльца,
Счастливая браком, семья?
Иль жизнь догорает страдальца
При слабом мерцаньи огня?

Колеблются тени на сторе,
Движение в светлом окне...
Кто знает — восторг или горе
Не спит в роковой хлопотне?

Иль труженик там и мечтатель,
Что ночи сидит напролет, —
Неведомый миру создатель
Возвышенных песен и од?

До света, меж стен неприветных,
Поет он о трудной борьбе.
О ласках, о думах заветных, —
И славу пророчит себе.

А улица спит — и не бредит...
Далеко до алой зари;
Никто не пройдет, не проедет;
Уныло горят фонари.

Молчат, как гробницы, фасады;
Ослепшие окна темны...
Все реже ночные лампы,
Все ярче счастливые сны...

СОНЕТ

Когда задумчиво вечерний мрак ложится,
И насыщает мир, дышанье притая,
И слышно, как в кустах росистых копошится
Проворных ящериц пугливая семья;
Когда трещат в лесу костров сухие сучья,
Дрожащим заревом пугая мрачных сов,
И носятся вокруг неясные созвучья,
Как бы слетевшие из сказочных миров;
Когда, надев венки из лилий и фиалок,
Туманный хоровод серебряных русалок
Хочочет над рекой, забрызгав свой убор;
Когда от гордых звезд до скромных

незабудок

Все сердце трогает и все пугает взор, —
Смеется грустно мой рассудок.

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

В ароматных лугах не звенела коса,
И на пажитях жницы не пели. —
Одевались серою мглой небеса,
Обнажались, шумя, золотые леса,
И земля ожидала метели.

Грусть была и в душе молодой у меня,
И в мерцанье природы поблеклом.
Тусклый вечер сменял мглу осеннего дня;
Клокотал самовар; сиротливо звеня,
Дождь бесшумно струился по стеклам.

В бледном сердце моем закипала гроза...
Вспоминались глаза с поволокой,
Где, как счастье, сияла небес бирюза...
И недетская грудь мне давила слеза,
И рыдал я в печали глубокой.

Вспоминались — весной расцветающий сад,
Наши первые робкие встречи,
И душистых черемух вснчальный наряд,
И нетающий ночью румяный закат,
И признаний невинные речи.

Мы, как дети, любили друг друга тогда
И, как дети, расстались покорно.

И никто нашей тайной любви никогда
Не подметил, — она, как мечта, без следа
Пронеслася в сердцах благотворно.

Но в разлуке тебя полюбил я живей —
И впервые рыдал об утрате...
Так в разбитой струне звуки ропщут звучней,
От подкошенных трав ароматы сильней,
Солнце блещет ясней на закате...

Кто о
Тайнст
Со мис
Иль о

Давно
Мне б
То в
То, ка

Давно
И все
При в
Лишь

Кто о
Куда
Ему л
И тяж

В тол
Сопутс
Оя от
И вме

Кто он? Зачем, откуда этот гость,
Таинственный и странный, как виденье?
Со мною он — чуть в сердце вспыхнет злость,
Иль осенит, как счастье, примиренье.

Давно встречал его пыливый взор;
Мне бледное лицо его знакомо.
То в нем восторг блеснет, как метеор;
То, как осенний день, в нем теплится истома.

Давно хотел я разгадать его
И все не мог найти к нему разгадки.
При встречах он не молвит ничего,
Лишь хмурит лба задумчивые складки.

Кто он? Зачем, откуда он пришел?
Куда ведет в тоске недоуменья?..
Ему людской несносен произвол,
И тяжелы, как цепи, увлеченья...

В толпе, как тень, он бродит одиноко,
Сопутствует и ненавидит тайно.
Он от меня, от сердца так далек —
И вместе с тем так близок чрезвычайно...

Я. П. ПОЛОНСКОМУ

(По поводу его книги «Вечерний Звон»)

Поэт! Когда завечерело
В твоей мечтательной судьбе, —
Вновь муза старая тебе
О детстве розовом запела.
Хотя снег старости твоей
Зарей румянится вечерней, —
Поешь ты громче и теплей
Перед толпою жадной черни.
А я весною, в дождь и тьму,
Настроив лиру своевольно,
Остановился богомольно,
Внимая звону твоему.
Молю, чтоб медлил мрак полночный
Гасить закат твоих лучей, —
Мне сладок звон твоей всеобщной,
Как звон заутрени твоей!

Усталое сердце не жаждет
Привычной любви бытия...
Зачем же так ропщет и страдает
Бессонная память моя?

Опять позабытые речи
Невольно твержу наизусть,
Былые и лица, и встречи
Мечтой вызывают мне грусть.

Явят неразумные ссоры,
Ошибки былого и зло, —
Все то, что туманило взоры,
Что душу мучительно жгло.

И сетует память тревожно,
И грустно до боли уму
За то, что забыть невозможно
Былого холодную тьму.

И смутно в душе без участия,
И рад бы отдать навсегда
За миг возвращенного счастья
Грядущей печали года.

Любил я с детства темные леса
И кручи скал, и шум потоков пенных,
И в зорях розовых и в звездах неизменных
Глубокие, как мудрость, небеса...

Но душный город не пускал меня
Из стен своих, из каменных объятий,
Где бледный день рождался для проклятий,
Безжизненный, как сердце без огня.

Когда весной слезился белый снег
И обнажал в безлюдных скверах сосны,—
Тогда в душе, под звон великопостный,
Рождалась грусть, исполненная нег...

Какой-то сон, как тайна непонятный,
Ко мне слетал, — в восторге тихом я
Воображал прекрасные края,
И шум лесов, и ветер ароматный.

Волшебное с возможным сочел
И плакал я над вымыслами сладко,
Грядущее мечтой переживал
И старился душою я украдкой.

Весь мир умом пылливо облетев,
Исчерпав все, что ярко и прекрасно,
Я стал чужой всему, и лишь былой напев
Звучит в душе моей неясно.

ИЗ СТАРОГО АЛЬБОМА

Пойдем в сосновый лес, сегодня жар
несносен...

Все тихо, все молчит, не шелохнется лист. —
Уйдем под тихий мрак гостеприимных сосен,
И лес там молчалив, и воздух там, смолистый!
Люблю я этот лес; далеким, желтым строем
Уходят в глубь стволы деревьев, — янтарем
Смола слезится с них, и мертвенным
покою, —
Боясь людских шагов, — томится все кругом!

II

Есть грусть прекрасная, когда поется стройно,
Когда — как ширь реки — задумчиво,
спокойно

Катится беглых грез летучий хоровод...
Но есть другая грусть, грусть пропасти
темнее

Грусть, давящая грудь — как мстительная
фея,
Когда молчат мечты и сердце смерти ждет.

Как ласку юноша, когда ни звука песен,
Ни смелых образов, когда вся жизнь —
тюрема.

Где млеет по стенам седеющая плесень
И веет сыростью губительная тьма.

сен. . .
ист. —
сосен,
олист!
строем
итарем
рем. —
ругом!

тройно,
покойно
д. . .
ропасти
темнес
тельная
Фся,
и ждст.

ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

Смеется солнце с высоты,
Поля зеленые пахучи.
Гроза прошла; мои мечты
Полны таинственных созвучий.

Душистей лес, звучней поток;
Светло в душе, светло в лазури,
Как будто в жизни нет тревог,
А небеса не знают бури...

Но все равно, в затишьи стройном
Таится тайный жар страстей,
И зреют грозы в небе знойном
Под пенье жниц и косарей...

Как нет без бурь живого лета
И как без жизни нет слезы, —
Так нет в живой душе поэта
Без вдохновения грозы...

ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ?!

Ты помнишь ли: мягкие тени
Ложились неслышно кругом,
И тихо дрожали сирени
Под нашим открытым окном...

Все тише заветные речи
С тобою тогда мы вели
И скоро блестящие свечи
Рукой торопливой зажгли;

Ты села к роялю небрежно
И все, чем полна ты была,
Чем долго томилась мятежно, —
Все в звуки любви облекла;

Я слушал безгрешные звуки
И грустно смотрел на огни...
То было пред днями разлуки,
Но было в счастливые дни!..

Сегодня под моим окном
Все утро птицы щебетали;
Они весну мне обещали —
Весну, отцветшую в былом...

Как будто, грея сердце лаской,
Вернуться юность может вновь, —
Чтоб повторить веселой сказкой
Давно угасшую любовь!..

Лунная тихая ночь, —
Воздух, исполненный лени...
На серебристом снегу
Темные, резкие тени...
Сердце бы грезить непрочь, —
Только печальна душа,
Только мечтать не могу, —
Холодом в холод дыша!

В сердце весна отцвела:
Там, как в пустыне, безгласно;
Прошлосе счастье — луной
Смотрит мертво и неясно...
В блесках морозная мгла,
В звездах холодная высь...
Что ж ты, любовь, не со мной?
Где ж ты, весна, отзовись?!

Обманули меня соловьи;
Обманули румяные зори;
Обманули улыбки твои,
Промелькнувшие в дасковом взоре...
Но счастливым поют соловьи,
И весна расцветает прекрасно,
И заря улыбается ясно
На печальные думы мои...
Кто же пламень в природе задул,
Кто окутал все грустью — как флером?
И звучит мое сердце укором:
«Не себя ли ты сам обманул?!»

НАШ ДОМОВОЙ

Люблю тебя, наш русский домовой!
Волшебным снам, как старине послушный,
Ты всешь мне знакомой стариной, —
Пою тебя, наш демон простодушный:
Ты близок мне, волшебник дорогой.
Доверчивый, ты скромные угоды
Моих отцов, как сторож, охранчал,
Их зернами и хмелем осыпал...
Ты близок мне — я внук простонародья.
И первый ты в младенческой тиши
Дохнул теплом мне родственной души.
И слышался тогда твой вздох печальный,
Свн как вопрос звучал из тишины,
А может быть, из тьмы первоначальной,
Не правда ли, все люди? все равны?
И стал ты мне, как откровенье, сладок
И полюбил я тихий твой приход
То с негою пленительных загадок,
То с мукою язвительных забот.

Народ живет; народ еще не вымер...
Ты помнишь ли, как Солнышко-Владимир,
Твой добрый князь, крестился у Днепра?..

Ты бражничал у княжего двора,
Ты сторожил и мел его хоромы...
И девичьи мечты тебе знакомы.
Как часто ты доверчивой княжне
Внушал любовь в докучной тишине,
Когда дрожал лампадный луч в часовне.
В бессонный час, при ласковой луне,
Она, дитя, мечтала о неровне...
Ты был один свидетель нежных чар,
Ты разжигал сердечной страсти жар.
Ей навевал влюбленную истому,
Сон отгонял, — и, наконец, она,
Дыханием твоим обожжена,
Лебяжий пух меняла на солому...
И, между тем как старый князь дрожал,
Влюбленных след ты нежно заметал
И колдовал над милою деревней,
Где страсть полней и песни задушевней...
Ты дорог мне, таинственный кумир;
Моих страстей и грез моих наперсник,
По-своему ты любишь грешный мир.
Родных полей и дымных хат ровесник,
Веди меня в седую глушь лесов,
К полям, к труду, к замедленному плугу...
Не измени неопытному другу, —
Дай руку мне!.. Ты видишь, я готов
Сменить тоску нарядных лестью горниц,
Где зреет страсть завистливых затворниц,
Лукавых жен, холодных дочерей,
Кичащихся лишь немощью своей, —
На скромный дар заветных огородов,
На золото колеблющихся нив...

Там ты вдохнешь мне силу новых всходов,
И стану я, по-твоему, счастлив!..
И грешный вопль раскаянья забуду, —
И радостью труда исполнен буду,
Свой новый путь, как жизнь, благословив.

Зло
И
Он
Тум
Но
Он
Нел
И
На
Что
И

Он
И
И
У
Он
Усл
Гл
И
Гл
Уж

Бл
По

ходов,

ду. —

ловив.

ЧУДОВИЩЕ

Зловещее и смутное есть что-то
И в сумраках осенних, и в дожде...
Оно растет и ширится везде
Туманное, как тонкая дремота...
Но что оно? — Названья нет ему...
Оно черно, — но светит в полутьму
Неясными, свинцовыми очами, —
И шепчется с вечерними тенями
На языке, нам чуждом потому,
Что смысл его загадочен и странен,
И как мечта, как тень непостоянен.

Оно старей, чем солнце и луна...
И нет ему ровесников и сверстниц, —
И в сумраке неосвященных лестниц
У тусклого, прозрачного окна
Оно стоит, — и вдруг стремится выше,
Услышав шаг иль кашель, точно вор...
Глядит в пролет, — и дышит в темной нише
И слушает унылый перебор
Глухих шагов по ступеням отлогим,
Ужасное своим молчаньем строгим!..

Бледней известки выбеленных стен
Под сводами больничных коридоров

Оно блуждает, полное измен...
Отчаянье и страх недвижных взоров
Устремлены с мольбою на него...
Но не щадя на свете никого,
К мольбе людей и к воплям равнодушно,
Оно скользит печально и воздушно...
То слушает, как прядает струя
Из медных кранов в звучные бассейны
Широких ванн... То сном небытия
Оно лежит, белея, — и кисейный
Его покров недвижим; перед ним
Горит свеча, — и желтый воск бескровней
Его чела... То веет гробовым
Безмолвием в притворе, над часовой.
Но что оно? — Названья нет ему! —
Кем вызвано? Когда и почему?
Оно не раз преследовало смутно
И наяву, и в тихом сне меня...
Оно везде, во всем ежеминутно,
И в сумраке, и в ясном свете дня...
Оно дрожит в лохмотьях на соломе
При ночнике... Рыдает в мертвом доме,
И грустное за стенами темниц
Оно поет о воле невозвратной...
А иногда весною ароматной
При ласковом мерцании зарниц, —
Оно мечтой мгновенною несется...
Похитив жар двух любящих сердец,
Иронией над клятвами смеется
И ревностью мстит счастьем, наконец.

ГОЛОД

Кто костлявою рукою
В двери хижины стучит?
Кто увядшею травою
И соломой шелестит?

То не осень с нив и пашен
Возвращается хмельна, —
Этот призрак хмур и страшен,
Как кошмар больноу сна.

Всемертвящ и всепобеден,
В ветхом рубище своем,
Он идет без хмеля бледен
И хромает с костылем;

Скудной жертвою измаян,
Собирая дань свою,
Как докучливый хозяин
Входит в каждую семью;

Все вывозит из амбара
До последнего зерна, —
Коли зернами нет дара, —
То скотина убрана.

Смотришь, там исчезнет телка,
Там савраска пропадет.
Тяжела его метелка,
Да легко зато метет!

С горькой жалобой и с гневом
Этот призрак роковой
Из гумна идет по хлевам,
От амбаров к кладовой;

Тащит сено и солому,
Лихорадкою знобит...
И опять, рыдая, к дому
Поселянина спешит.

В огородах, по задворкам
Он шатается как тень,
И ведет по черствым коркам
Счет убогих деревень, —

Где на нивах колос выжжен,
Поздним градом смят овес,
И стоит, дрожа, у хижин
Разрумяненный мороз...

Меж
Где д
Где м
Мерц
Где б
Под
Лукав
Где з
Узорн
Где в

Из р
Стоят
Их м

И мн
И ста
Припо
Тот д

Когда
Ползл
Как д
Суров

К. Фоф

СТАРЫЕ ЧАСЫ

Меж старой рухляди в лавчонке у еврея,
Где дремлет роскошь бар, сгнивая и темнея,
Где между пыльных ваз и старомодных ламп
Мерцает рамою весь выцветший эстамп,
Где бледный купидон с отбитою ручонкой
Под паутиною, как под фатою тонкой,
Лукаво щурится в мечтательной тоске,
Где зелень плесени на ярком завитке
Узорных канделябр ложится изумрудом,
Где в томной нежности, над золоченым

блюдом

Из рамы смотрит лик напудренной красы, —
Стоят, безмолвствуя, старинные часы...
Их маятник молчит, их стрелки без

движенья...

И мнится, — давние слетают к ним виденья
И старые часы прадедовских палат
Припоминают вновь событий длинный ряд,
Тот долгий, смутный сон, ушедший без
возврата,

Когда две стрелки их по кругу циферблата
Ползли, — минуты, дни, года разя с плеча,
Как два холодные, бесстрастные меча
Суровой вечности...

Бывало, в сумрак томный,

Когда дремал угрюмо зал огромный,
И алый свет, колебля, лил камин,
И ветки тощие расшатанных вершин
Из сада темного стучались в окна зала,
И ночь осенняя, как грешница, рыдала, —
Тогда задумчивый владелец тех часов
Печально вспоминал утраченных годов
Разгулом и стыдом запятнанную повесть,
И плакала его встревоженная совесть,
И теплая, никем незримая слеза,
Слеза раскаянья, туманила глаза.
А маятник часов спешил без содроганья
Спугнуть в мрак вечности минуты покаянья.
И зимней полночью, когда в покоях шумных
Гремело пиршество и гам речей безумных
Заздравным звоном чаш был дружно
заглушен,

Вдруг дерзко слышался часов докучный звон,
Как жизнь томительный, как старость
монотонный,

Напоминая сон толпе неугомонной.
И кубки медленней ходили по рукам,
И гости бледные, поднявши к небесам
Свой утомленный взор, зевая, различали
Сияние утра в посеребренной дали...
А сколько чудных тайн подслушали они
У нежной юности в те ночи и в те дни,
Когда, доверившись бесстрастному их лицу,
Влюбленная чета на них, как на владыку
Свиданья краткого, смотрела, торопясь
Последний поцелуй продлить в прощальный
час...

И что ж!.. Прошли года, которые так ровню,
С такой иронией, так зло и хладнокровно
Спешили погубить бесстрастные часы...
И вот — наперсники сатурновой косы —
Они, забытые, как памятник могильный,
Стоят меж рухляди, и циферблат их

пыльный,
Как инвалид слепой, не страшный никому,
Глядит бессмысленно в таинственную тьму
Недвижной вечности. И грозный гений

тленья
Над ними празднует победу разрушенья.

1888 г. февраль

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Я узнал весну по блеску голубому
Томных, как мечта, задумчивых ночей;
Но в душе лелея тайную истому,
Я боюсь весны болезненных очей;
От ее безмолвных и пытливых взоров
В сердце, подымаясь, воскресают вновь
Тень былых обид и боль былых укоров,
Все, что сердце жгло, что волновало кровь.

Я завесил окна темной пеленою,
Растопил камин и свечи я зажег,
Чтоб спугнуть весну обманчивой мечтою,
Зиму залучая в теплый уголок.
Над весной победу торжествуя, грезы
Снова рисовали сердцу моему —
В инее пушистом белые березы
И морозной ночи сумрачную тьму,
Скрип саней по снегу и на снеге тени,
Дым, из труб бегущий медленным столбом,
И недвижимый воздух, полный мертвой
лени, —
Но недолго был я очарован сном.

За окном шумливо что-то зазвенело,
Точно кто-то юный крылья развернул, —

И ворвался в сердце празднично и смело
Пробужденной ночи благозвучный гул.
Я узнал, что это за окном рокочет,
Что стучится в стекла. Это дождь весны!
Он звенит и плачет, он пост и хочет
Властно развенчать обманчивые сны.
О, как страстно сердце сжалось болью
жгучей,

И как тускло пламя вкрадчивых свечей!
Я открыл окно: за розовою тучей
Теплилось мерцанье утренних лучей;
За плетнем осины под дождем блестели...
Жгучей влагой слез туманились глаза.
Струны порвались, рыданья зазвенели,
И весенней каплей канула слеза...

НА ПОЕЗДЕ

Мы мчимся, как стрела, — все мимо нас
летит,

В глазах бесследно исчезая,
А поезд все вперед стремится и стучит,
Броней железной громыхая.
Вдали синее лес неровною стеной,
Над ним кудряво выются тучи,
Мелькает телеграф решеткою стальной
И зеленеющие кручи.
Мелькнуло кладбище; белеются кресты,
Угрюмо смотрят мавзолеи...
И вновь по сторонам канавки и кусты
Да редко темные аллеи.
На нивах зыблется пшеница и овес,
Пестреют гряды в огороде,
И грустная семья задумчивых берез
Белеет в дружном хороводе.
Все мимо! Все летит, как вольная мечта,
Как жизнь с обманчивыми снами,
И только светлая лазури высота
Горит незыблемо над нами.
И тусклая луна, бледна, как первый снег
В лучах вечернего заката,
Следить не устает наш торопливый бег,
Печальной тайною объята...

Так жизнь вперед летит, летит как паровоз,
Меня сны и впечатленья,
И сыплет искрами живые чары грез,
И стелет дымом увлеченья.
И все бежит вперед, без устали бежит,
И лишь сомненья призрак вечный,
Как бледная луна за поездом, следит
За нашей жизнью скоротечной.

«Снегурка»

СНЕГУРКА

Весной мне снился сон чудесный:
Живей струилась в сердце кровь,
И ты, мой ангел поднебесный,
Сулила счастье и любовь.
Цвел майский вечер, я был молод,
Я верил клятвам, жизнь любя...
Прошла весна... в природе холод, —
И холод в сердце у тебя...

И что же!.. Тонкою иглою
Живописующий мороз
Все то, чем грезил я весною,
На стекла дивно перенес.
Тут все: прозрачные ущелья,
И лес у белого ручья,
И ты в жемчужном ожерельи,
Снегурка бледная моя...

Устал
Шарм
Сбега
Приш
Он ве
Шарм

Уныль
Зачем
Зачем
Вы пл

Вам д
Да ка
Да се
Где з
И тон
Под р
Роняю
Чтоб
Чтоб
Не в
Чтоб
Разби

ШАРМАНЩИК

Усталый и бледный сияющим днем
Шарманщик играет у нас под окном.
Сбегаются дети послушать игру,
Пришлася шарманка его ко двору.
Он вертит шарманку, на окна глядит;
Шарманка тоскует, шарманка визжит.

Унылые звуки, несвязные сны!
Зачем вы звучите кошмаром весны;
Зачем отголоском счастливых людей
Вы плачете, звуки, в печали своей?

Вам дети внимают наивной душой,
Да камень холодный, поросший травой,
Да сердце, печальное сердце одно,
Где звякнуло, тихо раскрывшись, окно,
И тонкие пальцы дрожащей руки,
Под робкие звуки певучей тоски,
Роняют, как слезы, монеты затем,
Чтоб двор оставался попрежнему нем,
Чтоб дряхлые звуки шарманки твоей
Не вызвали б слезы из тусклых очей,
Чтоб слаще дремали в беззвучной тиши
Разбитые струны разбитой души!..

ГАММА

Испытана, затвержена и снова
Повторена унылая судьба!
Все та же жизнь, и все гнетет сурово,
Как душный зной, тяжелая борьба.
Так иногда, — идешь в аллее стройной
Зеленого бульвара. Полдень знойный
Не шелохнет деревьев сонный ряд;
Балконы дач уныло дремлют в зное,
Окружены садами, где струят
Свой аромат сирени и левкоя.
Душа полна в затишье тайных мук,
Ни облачка на шири небосклона...
И вдруг раздастся робкой гаммы звук
Из-за гардин опущенных балкона...

Мелодии докучной перебор
Спугнет мечту; как яркий метеор,
Промчится мысль — и сетует упрямо:
Не вся ли жизнь с любовью и борьбой
Лишь в душный зной разыгранная гамма
Ленивою, скучающей рукой...

АЛЛЕЯ ОСЕНЬЮ

Пышней, чем в ясный день расцвета,
Аллея пурпуром одета,
И в зыбком золоте ветвей
Еще блистает праздник лета
Волшебной прелестью своей...
И ночь, сходящую в аллею
Сквозь эту рдяную листву,
Назвать я сумраком не смею,
Но и зарей не назову!

ЛАБИРИНТ

Живешь — и не знаешь, где кончишь,
Не знаешь, поверить кому;
Все рвешься мучительно к свету
И снова приходишь во тьму.

И боязно снова, и грустно!..
Так часто бывает во сне:
Идешь по таинственным залам
В зловещей, немой тишине!

Идешь от порога к порогу,
От темных ворот до ворот,
И чувствуешь: кто-то незримый
Вослед за тобою идет.

Не видишь конца лабиринту
Волшебных дверей и аркад, —
Идешь и томишься тоскою,
Боясь оглянуться назад.

И с каждой минутой страшнее
Предчувствием сердце болит;
От страха уйдешь без оглядки —
Как ужас в погоню бежит!..

Стрем
Стучи
А кто
Не ск

Дрожи
Готов
Пока
Для

А как
Извив
Где с
Не ск

1893 4

Стремишься по лестницам темным,
Стучишься в замкнутую дверь,
А кто-то, как демон, хохочет:
Не скраться, не скраться теперь!..

Дрожишь — и не можешь проснуться,
Готов погибать без надежд,
Пока не откроешь в испуге
Для жизни ослабленных везд...

А как же от жизни проснуться
Изнывшему в трудной борьбе,
Где смерть, точно демон, хохочет:
Не скраться, не скраться тебе!..

1893 *февраль*

ЗАГЛОХШАЯ ТРОПА

Иду я... Путь заглохший тесен;
Зеленый мрак вокруг меня...
И темь, и лес! Душа без песен,
И ночь без позднего огня.

И тяжело дышащим навесом
Сплелись ветки надо мной,
И новый лес встает за лесом,
Смущая очи темнотою.

Ах, если б там, сквозь хвои соси
Мелькнул веселый огонек,
Как луч надежды жизненосен
И как мечтанье одинок!..

В аг
Весь
Мета
И пр
Как
Пыла
Срыв
И ро
Я вс
Но т
Блесн
И ле
Рой
И кт
И ти
Холо
Закр
В бол
Погас
И чу
Созда
Как б
И я з
Довол

СМЕРТЬ

В агонии до белого утра,
Весь ужасом, весь трепетом объятый,
Метался я, как в бурю челн дощатый.
И призраки у знойного одра,
Как коршуны, вились толпой крылатой.
Пылал язык, — и бреда тяжкий лепет,
Срываясь с уст, бессвязно замирал...
И рос в душе непобедимый трепет:
Я вспыхивал, горел и — погасал!..
Но только луч живительного света
Блеснул в окно под кровлю лазарста, —
И легче я, и медленней вздохнул...
Рой призраков, шатаясь, отпрянул,
И кто-то лоб горячий опاخнул.
И тихую слезой на сердце канул.
Холодная, прозрачная ладонь
Закрывает мне измученные вежды,
В больном уме погасла грусть надежды,
Погас в душе мятущийся огонь.
И чудное, исполненное ласки
Создание — на щеки, на чело
Как будто воск холодный разлило, —
И я застыл в окаменелой маске.

Довольно снов, — усни без сновидений!..
.....

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Сегодня тридцать лет минуло мне...
О Муза,

Приди и оживи ночную тишину!..
Во имя светлых дум и долгого союза
Мы нежно станем петь тридцатую весну.
Ты не изменишь мне; тебя не изменила
Ни гневная судьба, ни дерзкая вражда.
Как часто я роптал, что ранняя могила
Не скрыла темный прах от горя и стыда!
Как часто я скорбел, волнуемый утратой!
Но приходила ты, свевала ночь с чела, —
Я снова оживал, восторгами объятый,
Когда ты скорбь мою к созвучиям влекла.

И ныне праздник твой, и гимном покаянным
Как блудный сын тебя приветствую теперь.
Я слышу, ты идешь в венке благоуханном
И в сердце мне стучишь, как в запертую
дверь.

Приди и сядь ко мне, спутница родная,
Как няня старая мне сказки говори;
А я у ног твоих забудуся, срывая
С одежды облачной цветы и янтари...
С

18 мая 1892 г.

СВЕТИТ МЕСЯЦ

Светит месяц в пустынной аллее,
Ходят тени от веток нагих
По песку, точно черные змеи
Выползая из нор гробовых.
Светит месяц... безлиственной ночи
Непонятно дыхание мглы...
Не заплачут угасшие очи
От любви и от поздней хвалы...
Светит месяц, как страшное око,
Неподвижно мне в душу глядит...
И без слез я ропщу одиноко,
И без холода ночь леденит...

К СКАЗКАМ

Мне веет светлым волхвованьем,
Веселой зеленью долин,
Ключей задумчивым журчаньем
От русских сказок и былин.

Прекрасен сказок мир воздушный,
К нему с младенчества привык;
Мне мил и дорог простодушный,
Животворящий их язык.

Вступаю с трепетом священным
Под кров радушной старины, —
Передаю струнам смиренным
Ее младенческие сны.

И пусть, полны цветной окраски,
Осенены прозрачной мглой,
Летят задумчивые сказки
Разнообразною толпой

От арфы стройной и покорной, —
Как стая белых лебедей,
Заслыша визг стрелы проворной,
Летит со спугнутых выбей.

Бывало,
Святые
И чисти
Как я
Когда
В мое
Лучом
Квадрат
Каким-т
И в пр
Мне чу
Как про
Рождал
Прекрас
Так ста
Засохше
Чтоб по
Нарисов
Где рас
И, свет
Исполне
Я созда
Из снеж
И звони

ЛУННЫЙ СВЕТ

Бывало, все в душе моей будило
Святые сны и звуки песнопенья
И чистые, как юность, впечатленья!
Как я любил вечернее светило,
Когда оно задумчиво глядело
В мое окно — и на полу несмело
Лучом зеленым весело чертило
Квадраты окон, сумрак наполняя
Каким-то светозарным белым дымом...
И в проблеске его неуловимом
Мне чудилась прелесть неземная...
Как провиденье, смутный блеск луны
Рождал в душе, взволнованной неволью,
Прекрасные, пленительные сны.
Так старому ботанику довольно
Засохшего и мертвого стебля,
Чтоб по нему его воображенья
Нарисовало небо и поля,
Где расцвело усопшее растение...
И, свет луны случайно уловив,
Исполненный восторженной истомы,
Я создавал хрустальные хоромы
Из снежных льдин, и чудный их извив
И звонкого кристалла их изломы

Я поясами радуг обвивал
И освещал алмазными лучами.
И наполнял я лучезарный зал
Прекрасными и бледными тенями,
Без крови теплыми и ясными без света.
Как скорбь влюбленных, как мечта поэта,
Рожденная весенними ночами...
Теперь — не то; от волшебства небес
Моя душа угрюмо удалилась...
Волшебный мир лазурных грез исчез,
Тоска небес тоской земли сменилась.

Вчера я свечи погасил, — и свет
Ночной луны проник в окно случайно,
Как призрак робкий, как немая тайна,
Лия вокруг болезненный привет.
Но он в душе моей не пробудил
Ни прежних снов, ни вымыслов прекрасных:
Я на него, безмолвен и уныл,
Смотрел в мечтах холодных и бесстрастных.
И думал я: зачем он светит мне,
Печальным факелом блуждая в вышине?
Зачем, дразня капризными лучами,
Обворожал он детские мечты, —
Он, созерцающий спокойно с высоты
Все, проходящее пред смертными очами?
И было мне обидно и смешно
За детский сон, исчезнувший так скоро,
И, чтобы скрыть луч месяца от взора,
Завесил я окно!

Верста,
Сельне
Лишь ц

Да косм
Как при
Несется
Я дальн
Как зно
Я броси

Лазуры
И небо
Как тай

Как вер
И смотре
Но пам
Скрывае
И тольк

На небе
Сверкаю
И смотре

В ДОРОГЕ

Верста, еще верста! Назад я бросил взор,
Селенье скрылося за желтый косогор,
Лишь церкви дальний крест сверкает

в высоте,

Да космы чучела желтеют на шесте,
Как привидение, — и дымных тучек стая
Несется медленно, свой очерк изменяя...
Я дальше уйду... Верста, еще верста!..
Как знойный океан сверкает высота;

Я бросил взор назад — уж нет вдали

селенья,

Лазурью сонною сверкает отдаленье,

И небо знойное, лобзаясь с землей,

Как тайну прячет даль... Так годы

чередой —

Как версты пестрые — проходят перед нами,

И смотрим мы назад дугливыми очами;

Но память бледная, как синий небосклон,

Скрывает прошлого невозмутимый сон...
И только дни любви, как крест далекий

храма.

На небе бытия спокойно и упрямо

Сверкают дольше всех внимательным очам,

И смотрим мы вперед — и небо видим там.

МЕЛАНХОЛИЯ

Для радостей природа создана,
Но почему грустит она всечасно?
Теперь закат сверкает в небе ясно —
И в нем печаль глубокая видна.

Вечерний блеск позолотил вершины,
Зеленый мрак в аллеях потонул.
Задумались деревья-исполины,
Далеких волн внимая смутный гул.

Вдали звучит кукушки кукованье,
Как тихий плач бездомной сироты...
И я грущу — и грусть та без названья,
Наперсница таинственной мечты.

Навеяла ль печальная природа
Мне эту грусть, иль сам я грусть вдохнул?
В ее черты — в сиянье небосвода,
В дыханье трав и в леса смутный гул.

Я — сон ее, она ль мое виденье —
Мне все равно... печаль ее близка.
Восторг людей живет одно мгновение,
А грусть и скорбь — бессчетные века.

Нет н
Вечерн
Но ве
И мор
Пурпу
Как б
Узорь
В лил
Удаво
И па
Уныл
И сл
И то

Мне
И вс

Все

И ст
Напо
И м
Вся

НА НЕВЕ

Нет ночи, а не день. Над сонною Невой
Вечерняя заря румянится тепло,
Но ветер уж пахнул прохладною ночью
И морщит светлых вод прозрачное стекло.
Пурпурным янтарем пылают окна зданий,
Как будто бы там ночь справляет пир весны,
Узоры пестрые далеких очертаний
В лиловый полумрак, как в дым, погружены.
Удавом каменным змеится цепь гранита,
И паутиной мачт темнеют корабли;
Уныло ночь молчит, — и грусть кругом
разлита,
И слышен вздох небес в молчании земли.
И точно чей-то глаз, как луч любви

случайной,
Мне в душу заглянула пылливо и светло, —
И все, что было в ней загадкою иль
тайной, —
Все в звуки облеклось, все нмя обрело.

И страстные мечты, больные до истомы,
Наполнили меня блаженною тоской...
И мнится, что вокруг все пышные хоромы,
Вся эта ночь и блеск нам вызваны мечтой.

«Майский шум»

ВЕСЕННЯЯ ЗАПЕВКА

Судьба — моя кудесница.
Для милых снов, для нежных слов, —
Любовь — тоски предвестница,
Согрей меня весной огня...
Весна — любви ровесница!
Идет весна при шуме вод,
Цветы кропит, в цветах поет
Идет весна, — встает от сна
Кто солнцу мил, кто верой жил,
Чья дума не разгадана...
Ползет с могил, как дым кадил,
Туман душистей ладана!..

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Вечерняя заря, как тихо ты зажгла
Свой розовый огонь в лазоревой пустыне;
Недвижна на земле серебряная мгла,
И грустная весна задумалась в долине.

Задумалась весна — кому ее цветы,
И трели соловья, и звучных вод журчанье?..
И ты, заря, ведешь влюбленных для мечты,
Для жизни и любви на краткое свиданье...

И светлую росой заплакала весна —
И слаще фициям земного аромата...
Счастливый поцелуй, живой румянец сна.
Тебе, заря любви! тебе, заря заката!

На всем я вижу твой румяный полусвет:
На небе, на земле и в тусклых окнах
зданий...

Вечерняя заря, прими и мой привет —
Прощальную зарю последних упований.

ЗАСОХШИЕ ЛИСТЬЯ

Весной, в лучах, при шуме вод,
Кружится легкий хоровод
Нарядных, светлых мотыльков
Над влажной зеленью лугов.

И, видя их счастливый рой
Над отогретою землей, —
Во дни весны и торжества
Дерев, засохшая листва,
Гонима ветром кочевым,
Стремится к бабочкам цветным...
Летит листва, шумит: и мы
Расторгли плен своей зимы, —
И мы проснулись с лучом!..
И мы летаем и живем!..

Так вы, убитые в глуши
Мечты истерзанной души,
На краткий миг оживлены
Восторгом чуждой вам весны!
И, видя счастье и любовь,
Вы окрыляетесь вновь —
И мчитесь мертвою толпой,
Навстречу юности чужой! —
И упадете опять,
На прахе прахом истлевать!..

МЕЛОДИЯ

Я вижу, сыплется в избытке красоты
Душистый снег весны — черемухи молочной
Весенние цветы, как девы непорочной
Отвергнутой любви невинные мечты.
Душистый снег весны — опавшие цветы!

Я вижу в золоте, в румянце облаков
Последние лучи — вечернее сиянье.
Длиннее тень легла, слышнее трепетанье
Поникнувших ветвей, и слаще вздох
цветов, —
Последний аромат — последнее прощанье!

Я слышу, как весна, боясь мечты своей,
И дышит и дрожит в цветущем упоеньи.
И слышу, как в кустах рыдать о наслажденьи
Проснулся на заре вечерний соловей, —
Рыдающий певец в стыдливом пробужденьи!

И чувствую, — под песнь рыдающей любви
Растет моя печаль, растут воспоминанья,
И нет им отзвука, и нет в них очертанья.
И слабо тлеет жизнь в хладающей крови, —
Отцветшая любовь ожившего страданья!

1894 г., май

ВСЕ ТАЕТ

Все тает, все каплет, все тает!..
Снега помутнели, и с крыши
Серебряный дождь упадет...
Все тает... все тише и тише!

Последние слезы мороза
Румяное солнце лобзает,
Последняя зимняя греза
Звенит и дымится, и тает!

Все тает, как сны пред рассветом,
Как вздохи глубокой печали...
Леса почерневшим скелетом
Навстречу весне закивали!

И, внемля весеннему бреду,
Яснее на синем просторе
Заря торжествует победу,
И ропщет бурливое море...

Все тает... но грустно и больно
Внимать пробужденному шуму...
Встречая весну богомольно,
Я тяжкую думаю думу,—

Все тает, надежды и годы..
И память о милом когда-то,
Как лед пробужденной природы,
Растает... уйдет без возврата.

И дружба, как счастье, не вечна,
И сердце, как слезы, остынет,
И все, что лелеем сердечно,
Усталую память покинет!..

В ГЛУХОМ УГОЛКЕ

Я с кочующею ленью
Усыпляющих мыслей
Все брожу под этой сенью
Тихо дремлющих аллей.

Я люблю и желтый ворох
Несметаемых листов,
И в вершинах влажный шорох
Непонятных голосов,

И корней маститых змейки, —
Что не смела скрыть земля,
И на выцветшей скамейке
Письмена и вензеля;

Зеленеющую плесень
Неподвижного пруда...
Мрак без зноя, глушь без несен
И забвенья без труда; —

Все здесь учит ум смиренью,
Все баюкает печаль,
И дружится с тихой ленью
Очарованная даль...

1893 г., август

В СОСНОВОЙ РОЩЕ

Тихо в роще — жар несносен;
Неподвижен длинный ряд
Желтостволовых колоннад —
Опаленных зноем сосен.
Обессиленная мгла
Благи ждет и небу внемлет;
Туча сумраком легла,
Туча холодом объемлет.
Ветер рощу колыхнул, —
Ветки сдвинул — распахнул
И в вершинах их косматых,
Трепетанием объятых,
Белым сумраком зевнул.
Все темнее... все печальней,
Уплывает высью дальней,
Перешептываясь, гул...
И сквозь хвои тощих игол,
Орошая бледный мох,
Град запрядал и запрыгал,
Как серебряный горох.

При
Они
На
При

Когд
Опус
При

Дыха

И з
Ины
И в
То п

К. Фо

ЦВЕТЫ

Прими мои цветы — невинный дар полей,
Они еще полны, как память, аромата;
На них слеза росы, на них тепло заката.
Прими мои цветы — дар памяти моей!

Когда они, склонясь покорно к увяданию,
Опустят лепестки узорные свои, —
Прими их смерть, как жизнь, внимая
их прощанью,
Дыханием своим их стебли напои.

И знай, что для тебя цветы иные всходят,
Иные, полные бессмертной красоты, —
И в песни нежные любовь их переводит...
То память о тебе!.. Прими мои цветы!

ПОДСНЕЖНИК

Когда в лесу глухом валежник
Поутру иней серебрил,
На солнце выглянул подснежник
И день весны предвозвестил.
Недолго цвел он, жизнью светел,
Вверяясь счастью своему,
И умер только потому,
Что слишком рано солнце встретил.

Цвет
Он
Склад
Как
И, р
Упру
Он у
Цвет
Его
Он г
Свою
И не

ПОДСОЛНЕЧНИК

Цветок-плебей, обильный жизнью зерен,
Он задремал, судьбе своей покорен,
Склоняясь к убогому плетню;
Как день огнист, он улыбнулся дню.
И, радуясь за свой расцвет махровый,
Упругий лист и сочный стебель свой
Он устремил к лазури золотой,
Цветок-плебей, цветок земли суровой!
Его судьба унылая тиха,
Он праздный взор мечтателя не тронет,
Свою любовь, как счастье, он хоронит
И нежности стыдится, как греха...

ЛАНДЫШ

Как скромн ты, питомец мая,
Не налюбуюсь тобой.
Когда ты, весь благоухая,
Сверкаешь утренней росой.
Склоня чепчик свой измятый
Не от грозы, — от нег ночей,
Ты дремлешь, грезами объятый,
Встречая ранний свет лучей.
Когда твой вздох зарей румяной
В лесу сосновом слышу я,
Душа темнится грустью странной
Для грешных вздохов бытия.
И у тебя была сильфида, —
Нас обманувшая весна,
Но как светла твоя обида! —
И как печаль моя темна!

ПАПОРОТНИК

Не обольстительные краски, —
Но твой причудливый узор
Невольно привлекает взор:
Не мудрецы ль арабской сказки
Тебя соткали в свой шатер?
Твоих воздушных очертаний
Неуловимая краса
Полна таинственных сказаний,
Как золотые небеса.
Кто посвятил мечты отчизне,
Кто цвета ждал и не расцвел,
Кто был обманут в бледной жизни —
В тебе сочувствие нашел!..

ОСИНА

Опасность близится — о, помогите мне!
И листья робкие трепещут у осины...
Вокруг безветрие, и дремлют в тишине
Усталые стада на зелени долины...
Но вот рокочет гром в стемневшей вышине.
Шатает ураган деревья-исполины...
А листья робкие застенчивой осины
Все так же трепетно лепечут в полусне:
Опасность близится — о, помогите мне!

Белый лебедь пламя по морю, —
Подстрелил его стрелок;
Пышно цвел цветок душистый, —
Ураган сорвал цветок.

Как маяк луна сияла
В звездном мраке вышины, —
Набежали тучи в небо
И закрыли свет луны.

Было в сердце много счастья,
Гордой воли, милых грез,
Но пришел суровый опыт, —
Все из зависти унес!

Дай мне звуков, дай музыки стройной;
Пусть на миг я душой оживу;
Пусть, что было лишь грезой знойной,
Разрешится как жизнь наяву.

Я хочу в эти дни голубые,
В ароматные, майские дни,
Позабыть свои думы больные,
Что как змеи таятся в тени.

В той тени, леденящей мне душу,
Где лучом догоревшей мечты
Только мрачную тьму я нарушу,
Как создаст ее ночь суеты,

Горькой мукой, бессильной борьбою,
Злой обидой врагов и друзей,
Где один я стою под грозой
С беззащитною Музой моей...

«Кто

«Это

«Кто

«Это

«Кто

«Это

«Кто

«Это

В
Т
П

Друг мой, я жду — не дождуся огня...
Вечер зарю не затеплил ошибкой;
Ты, мое солнце, осветишь меня
Поздней и нежной улыбкой.

III

Осень празднует поминки
По весне, — ее мечтами,
Посмотри, полны корзинки
Ароматными плодами.
Их весна еще румянит, —
Потому они так алы...
Подожди — зима проглянет:
Мы нальем свои бокалы,
И, как осень поминала
Дни весны — ее плодами, —
Звоном дружного бокала
Вспомним осень за столами...

Пришла румяная весна, —
Воскресший сад певуч и весел:
И клен зацветший у окна
Зеленой сеткой даль завесил...

У камня мшистого, где пруд
Покрыла ржавчина и плесень,
Кувшинки белые растут
И ждут улыбки или песен...

И на расшатанный плетень
Дубок притик в изнеможеньи,
Везде прекрасен вешний день. —
Еще прекрасней в запустеньи!..

Я х
В те
Но
Треб

Каж
Каж
Как
Отве

Казн
Горд
Мим
Мчит

Нет
Но и
Толь
Толь

Я хотел бы верить в прозу жизни,
В темную игру земных побед,
Но душа, смутившись, в укоризне
Требует на каждый вздох ответ.

Каждый шаг на жизненной дороге,
Каждый день, утраченный в борьбе, —
Как раба, душа в немой тревоге
Отвечает совести — рабе.

Казнь моя — бесплодные сомненья,
Гордая, бессильная тоска,
Мимо жизни, шума и волненья
Мчит меня без пристани река.

Нет границ реке быстротекущей,
Но и нет простора для мечты;
Только сердце жаждет воли пуще,
Только горше вопли суеты..

Прекрасна эта ночь с ее красой печальной,
С ее мечтательным, болезненным лицом.
О, если б жизнь цвела, как этот отблеск
дальний

Померкнувшей зари на небе голубом!
О, если б дум моих неверное течение,
Как эти облака, стремилось в глубь небес:
Какое б подарил тебе я вдохновенье,
Какой бы мир открыл, мир красок и чудес!
Но жизнь моя темна, и дума безотрадна;
Как облетелый сад, пуста моя душа,
И ходит ветер в нем стремительно и жадно,
И гнет вершины лип, порывисто дыша.
Я не пушу тебя в мой сад осиротелый, —
Там осень, там туман, а здесь перед тобой
Сияние весны и этот отблеск белый
Лазури голубой.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем;
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею;
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказала:
Ей любить пришла пора.
Засмеялась... разрыдалась...
И умолкла до утра!..

1892 г.

У ПРИЛИВА

Я помню вечер и луну,
Над морем грусть дышала,
Волна баюкала волну,
Волна волну качала.

В душе, как море к берегам,
Теснился дум избыток.
Душа читала по складам
Былого темный свиток.

Я видел юность, красоту...
И все, чем жил сначала...
Мечта баюкала мечту,
Мечта мечту качала.

За новым сном забытый сон
Вставал, как друг давнишний,
А вечер гас со всех сторон,
Таинственный и пышный.

Звучали волны, чуть дыша,
Темнели краски в море —
И мнилось вечером, душа,
Как жизнь, погаснет вскоре!..

ГИМН ОТСТРАДАВШИМ

Они отстрадали на грешной земле,
Все лучшие песни отпели,
И тихо уснули в таинственной мгле,
В подземной своей колыбели.

Года за годами прошли и пройдут.
Мир в гордом величьи лукавит;
Но вечные розы в их звуках цветут,
И вечная память их славит.

Их слава растет!.. В непогожую ночь
Так смелый прибой, ударяя
О берег, бежит, рассыпаясь прочь, —
Все гульче и гульче вздыхая...

«Монологи»

Уныло рыдала метель на дворе;
Я сетовал горько, я плакал.
И ветер деревья качал в серебре
И в стекла их ветками звякал.

Свеча догорала, как юность моя
И тени на стенах шатались,
И молча с портретов смотрели друзья
И грустно мечтам улыбались.

Прошедшие годы—забвенные сны
Мне сердце больше терзали...
Как будто теперь лишь с поминок весны
Вернулся я полный печали,

Как будто бы я,—в непогожую ночь,
Звучащую сердцу сурово,—
От милых надежд, улетающих прочь,
Услышал прощальное слово.

И было пустынно так в сердце моем,
Без жалоб, без слез, без участия...
А ветер шумел и рыдал за окном,—
Чужое оплакивал счастье...

1891 г., декабрь

Чем смертоносней влага в чаше,
Тем наслаждение полней, —
И чем страшней бессилье наше,
Тем жажда жизни тяжелей.

Наш век больной, — в его безверьи
Мы вопли веры узнаем;
И, стоя к новому в преддверьи,
Влачим, как пытку, день за днем.

Горды надломленные крылья,
И смел коснеющий язык...
И грустно мне, что в дни усилья
Наш век бессилем велик.

Как
На
Так

Всю

И е
В го
Весел

И со

Как вздох земных морей в небесную мечту
На небе претворен, рождая облак дымный,
Так претвори, поэт, в свой стих

гостеприимный

Всю горечь юности, всей жизни полноту.

И если иногда грозою шумной жизни
В горячее лицо дохнет былая страсть
Весеннюю росой, живая песня, брызги
И сердца услади мучительную власть!

Прозрачный вечер тих, но все еще не мог он
Померкнуть и затмить ликующего дня, —
И матовым свинцом мерцает в стеклах окон,
Как очи тусклые без мысли и огня.

Померкла молодость, но грезы упования
Погаснуть не спешат в задумчивой глуши,
И светит бледное мечтам воспоминанье,
Как счастье позднее измученной души.

Ты
Ты,
Сви

Вст
Осе
Когд
Тка
Не
При
И б
И к
Нас
Все

Звуч

И в
Карт
Не у
Все
Уста
Заст
Сало
Нето
И на

Ты помнишь ли, подруга юных дней,
Ты, черных дней звезда любви прекрасной.
Свиданий час — не пел нам сладкогласный,
Не пел влюбленный соловей.

Встречались с тобой мы в улицах туманных
Осенним днем иль утром золотым,
Когда над городом из очертаний странных
Ткал город облачный, бегущий к небу дым.
Не музыка лесов широколистным воем
Приветствовала нас, а грузный лязг колес
И барабанный бой солдат, идущих строем.
И крики торгашей, как шум несметных ос.
И нас в душном городе теплом гостеприимным
Все грело, все влекло. . . И весь нестройный
гам

Звучал мелодией, звучал победным гимном
Еще доверчивым сердцам!

И в тесной улице, как в галерее длинной,
Картина пестрая сменялася картиной
Не ужасая ум бессмертной суетой, —
Все взоры тешило мечтательностью яркой:
Усталый продавец под рыночною аркой,
Застенчивый бедняк с протянутой рукой,
Салопница, идущая с кухаркой, —
Неторопливая расчетливым умом,
И над рассыпанным, желтеющим овсом

Веселых голубей откормленная стая —
Все радовало нас, восторгом опьяняя,
Как шумно брызжущим вином.

Не проклинали мы волнующийся город, —
Моложе ты была, и твой поэт был молод.
От жизни малое просили мы тогда,
А жизни впереди казалось так много,
И вот прошли года... тяжелые года...
К нам постучалась забота — и нужда
Стоит, как сторож, у порога.
Желания растут в измученной груди,
От них в ней тесно стало сердцу,
И жизни кажется все меньше впереди,
А просьбы больше к громовержцу.

Я сказки медленней пишу,
Чем жизнь свою переживаю;
Я насладиться не спешу,
Но каждый час и день страдаю.
Кто много чувствовал, тому
Судьба дала волненья множить
И жизни суетную тьму
Пытливый разум тревожить.
И если жизнь течет, ровна,
Как усыпленная волна,
Не зная шума дикой бури, —
Душа тоскует и зовет
К своей безоблачной лазури
Грозу и тучи непогод...

Не знаю почему, но только мне легко,
Как после долгого, тяжелого рыданья.
Пусть счастье и любовь умчатся далеко;
Я больше не хочу ни счастья, ни желанья...

Я грустно примирен с тяжелою судьбой,
Как робкое дитя с испугом и тревогой...
В грядущее ль смотрю — и жизнь передо мной
Уныло стелется знакомою дорогой.

Лишенья и борьбу, утраты и печаль
Я вынес на щите, как черную добычу
Из битвы пламенной, — и, озирая даль,
Не юность, не друзей, — забвение я кличу...

Мечтательно возвышенный,
Стыдливый и простой
Мотив, когда-то слышанный,
Пронесся надо мной.

Стою я очарованный,
Не плача, не дыша, —
И грезой заколдованной
Наполнилась душа.

Мне снится сад с пахучими
Цветами и прудом;
Луна блестит за тучами
Унылым фонарем.

В аллеях дремлют грации
И боги древних лет;
Зеленые акации
Роняют желтый цвет.

И песнью заколдованной
Звучит моя душа,
И, точно очарованный
Стою я, не дыша...

Посмотри: у пруда, где в прохладную тень
Зной струится сквозь ветви дрожащие ив, —
Реют мошки; родил их сверкающий день,
И умрут они к ночи, мгновенье прожив.

И родятся другие в ликующем дне...
Так в душе у меня сонм докучных забот
Расцветет, — уплывет на житейской волне,
И родится опять, и опять уплывет...

Пада
Пада
Вот у

М

В пер
Шумн
Серые

И

Груст
Груст
Падак

С

Близк
В неб
Вечер

М

Тускл
И
Веет л

У

ОСЕННИЕ МЕЛОДИИ

I

Падают желтые листья с ветвей,
Падают грустно, бесшумно они.
Вот уж и вечер... заглянся огни —
Много вечерних огней!

В церкви, под купол, на поздний ночлег,
Шумно слетается стая галчат.
Серые тучи по небу скользят,
И безмятежен их бег.

Грустно и тихо в душе у меня,
Грустно в затишьи померкших аллей;
Падают желтые листья с ветвей, —
Слезы осеннего дня!

Близкая ночь не пугает грозой,
В небе ни звезд, ни зарницы из туч.
Вечер осенний угрюм и пахуч
Мертвою, желтой листвой...

II

Тускло блещет солнце на закате
Из осенних облаков;
Веет тленьем в крепком аромате
Увядających цветов.

В темных соснах сумрак молчаливый
Над водой дымит роса,
Ночь плывет, рукой неторопливой
Застилая небеса.

Ночь плывет, и тени ткет, и дышит,
И душе забвенья нет.
И в осенней ночи сердце слышит
Улетающий привет.

Вы з
Где в
Где не
Где д

Вы з

Вы з
Где и
Там в
Стогл
Вы з

Там в
В таи

Гармо
Весь з
И в с

Не д
И взд

Светло начало там, еще светлей конец,
И память прошлое хранит благочестиво,—
Не дышит красота там холодом сердец.

Вы знаете ль тот мир иллюзий золотых,
Проникнулись ли вы святым очарованием?
И если были там, то мрак степей мирских
Вам будет миражом, родным воспоминаьем
Заоблачной страны иллюзий золотых!

В осе
Сквоз
Багря
Как с

Вот н
Задует
Где о
Верши

Печал
И в ш
И в ш

И в кр

Прощай
Тайнст
С улыб
Прощай

Ты сно

Развенч

К. Фофан

ИЗ ОСЕННИХ МЕЛОДИЙ

В осеннем холоде мерцающего дня
Сквозь ряды аллей, как колоннады арок;
Багряный их навес так нежен и так ярок,
Как будто соткан он для ветра из огня.

Вот налетит сейчас дыхание зефира —
Задует светочи — развеет в прах листву,
Где осень пышная, подобна божеству,
Вершит и празднует еще поминки мира.

Печальный реквием звучит повсюду мне:
И в шорохе листов, шуршащих под ногами,
И в шуме поздних пчел над поздними
цветами,
И в крике журавлей, летящих в вышине!

Прощай до вешних дней, суровая краса
Таинственных лесов! Прощайте, небеса
С улыбкою зари! Прощайте вы, зарницы;
Прощай, раскат громов, — я верю, будет
день,
Ты снова прогремишь, чтоб вызвать из
гробницы
Развенчанной весны оправданную тень!..

ЛЕТО

Июнь. Пронизан мрак полночный
Душистым запахом теплиц,
Спадает яблонь цвет молочный,
Мерцают отблески зарниц.

Над полем жаворонок вьется,
Во ржи синеют васильки,
И солнце весело смеется
В прозрачном зеркале реки.

Светло, и радостно, и пышно! —
Повсюду зной, и жизнь, и цвет...
Но соловья уже не слышно,
И гуще ночи полусвет.

Прекрасно в солнечном июне,
Но зноем мы утомлены...
Прекрасней было накануне,
Душистым масем, в дни весны!

Тогда звучней журчали воды,
Перекликаясь с соловьем,
И краски юные природы
Сияли новым торжеством.

Тогда по саду негустому
Бродили сны, восторги лень, —
Теперь тропинка гуще к дому,
Но там раздумье целый день...

И с первым цветом опадает
Мечта — весны моей звено...
Так все светлей, что общает,
И все темней, что свершено!..

Ветер ласковый, при встрече,
Розу только поцелует,
Одуванчики ж, как свечи,
Поколеблет — и задует.

Налетит, как ветер, горе,
Сердце юное — чуть тронет;
А в отцветшем сердце вскоре
Все убьет, все похоронит...

Пыла
Гори
Скво
И, м
Дро
И с
Вхож
Кива
И, м
Идет,
И кт
В ли
И, м
С ост
Перел
Давно

ВЕЧЕР

Пыль улеглась, прибитая дождем...
Горит заря болезненным лучом,
Сквозь облака кудрявые алея...
И, медленно вершины шевеля,
Дрожит зефир... и спят поля,
И спит пустынная аллея...
Вхожу в нее... со всех сторон
Кивает мрак неясной дымкой;
И, мнится, кто-то невидимкой
Идет, таинственный как сон...
И кто-то дышит негой сладкой
В лицо горячее украдкой,
И, мнится, с запахом кустов,
С остывшей мглой зари багровою —
Переживу я мрак суровый
Давно утраченных годов.

Еще повсюду в спящем парке
Печально вест зимним сном,
Но ослепительны и ярки
Снега, лежащие ковром.

Их греет солнце... Скоро, скоро
Под лаской девственных лучей
Стремглав помчится с косогора
Весною созданный ручей.

И, торжествуя счастьем новым,
Любовью новой веселя,
Травой и запахом соевым
Вдохнет усталая земля.

День г
В пусти
И толь
Порою

С дере
И капл
Заплака
Встреча

Ни зву
Глубока
Как в д
В ней з

День гаснет зарею, свиваясь с тенями;
В пустынных аллеях глубокая тишь,
И только, как призрак, ширяя крылами,
Порою промчится летучая мышь.

С деревьев, вечерней росой отягченных,
И каплет, и брызжет, как будто они
Заплакали молча, в мечтаниях сонных
Встречая опять теплотворные дни.

Ни звука, ни страсти в душе умиленной,
Глубокая тишь осенила меня;
Как в дали, весеннею мглой осребренной, —
В ней зреют восторги грядущего дня.

Как воздух свеж, как липы ярко
Румянцем осени горят!
Как далеко в аллеях парка
Отзвучья вечера дрожат.

Не слышно птиц, не дышит роза, —
Врываясь, мчатся в мрак деревьев
Свист отдаленный паровоза.
Удары башенных часов.

Да прозвучит в траве росистой
Кузнечков поздних тяжкий скрип,
Меж тем как вьется лист огнистый,
Без шума упавая с лип.

Все полно смерти предстоящей,
И в тишине тягучих струй
Уж стужа осени дрожащей
Запечатлела поцелуй...

Все
Все
И в
Чего

Рас
А ч
И п
Того

Не
Не
Не
Уже

СТАНСЫ

Все пережито, что возможно,
Все передумано давно, —
И все так бледно, так ничтожно!
Чего желать — не все ль равно!

Рассудок чувству не уступит,
А чувство ум клянет на зло, —
И память страстью не искупит
Того, что время отняло!

Не смей любить, не смей обидеть,
Не смей желать во цвете лет,
Не знать, не чувствовать, не видеть, —
Ужели блага выше нет?

Деревня скрылася... и нивы
Уже от взора отстают;
Речонки быстрые извивы
К заставе города ведут.

Вот город; крашенные дома,
Казармы белые... бульвар...
Клочки разбросанной соломы,
В сенях дымящий самовар.

Здесь из пекарен запах хлеба,
Здесь стук колес и гам людской,
И зарумяненное небо
Румянит лужи мостовой.

И снова странное волнение...
И вновь знакомая печаль
От простодушного селенья
Зовет в безжизненную даль...

1899 г.

Желт
Осен
Ветр
Желт
Желт
Лист

Позд
Были
Были
Юно
Позд
Моло

1899 г.

Желтыми листьями дети играли...
Осенью были те листья посеяны, —
Ветром с тоскующих веток рассеяны
Желтые листья, как слезы печали.
Желтыми листьями дети играли;
Листья шумели и листья роптали.

Поздними грезами сердце играло...
Были те грезы когда-то пленительны,
Были как щедрость любви упительны...
Юность их сеяла — горе пожало...
Поздними грезами сердце играло, —
Молодость плакала — и улетаала...

1899 г., сентябрь

УТРО

Еще как будто сновиденью
Безмолвно внемлет старый сад;
Еще, облиты смутной тенью,
Вершины темные молчат, —
А влажной ночи содроганье
Уж день пророчит. Посмотри,
Какое кроткое сиянье
У этой утренней зари!

Там, за вершинами густыми,
Свод неба ясен и стыдлив, —
Там тучки льдинами седыми
Бегут в оранжевый залив.
И птиц веселых щебетанье
Вещает счастье... Посмотри,
Какое кроткое сиянье
У этой утренней зари!

Как пышно в розовом эфире! —
Как будто умерло в сей час
Все угнетающее в мире,
Все убивающее нас!
Все будто зло и гнев насилья,
Вокруг царящие года,

Расправив бешеные крылья,
Умчались в тартар навсегда!

Но нет, напрасно заблужденье!
И это утро, как любовь,
На миг подарит наслажденье
И к ночи нас обманет вновь.

Опять заплачут чьи-то очи,
И кто-то будет вновь страдать, —
И перед тьмою грешной ночи
Святому дню не устоять.

1898 г., июль

ПРОШЕДШЕЕ «Я»

Неясной дымкой даль объята;
К закату клонится мой день, —
И я не тот, как был когда-то,
И прежний «я» следит, как тень,
Следит всегда, следит повсюду.
Не отступает ни на шаг
И говорит мне: не забуду
Тебя, мой друг, тебя, мой враг!

Тебя я нянчил в колыбели,
С тобою в детстве я играл, —
С тобой мы вместе песни пели,
Когда во мне ты расцветал!
Ты первый выпил за здоровье
Моих надежд и юных сил,
Твое слезами изголовье
Не я ли первый оросил.

Чем ты старше год от года,
Тем я моложе день от дня.
Твоя любовь, твоя природа
Цветет и зреет для меня.
Союз наш верен и чудесен.
Ты голос мой, и я — твой звук.

И первый я умру без песен,
И ты второй — умрешь от мук.

Недаром мы сжились с тобою,
Недаром вместе рождены,
Ты — дух, творящий под грозою,
Я — дух забытой тишины.
Недаром страсти в нас металась...
И после смерти роковой, —
Как в довременности сливались, —
Сольемся в вечности одной...

А. С. ПУШКИНУ

Твое рождение здесь, и сердце здесь твое
Забилось первым впечатленьем.
Благодарю тебя! Ты скрасил бытие
Своим волшебным вдохновеньем.

Я, раб твой преданный, так любящий тебя,
Бессилен высказать, что ты творил,
великий!

Сойди, благослови незримо и любя
Под благодарственные клики.

Здесь вижу облик твой: бессмертный
и простой,

Стоишь ты грустно молчаливым,
Еще задумчивый над суетной толпой,
Но созванной твоим призывом!

Вокруг тебя гремит стоустая молва...
И верь, благой пророк зиждительного
слова,

Не раз благодарить придет тебя Москва,
И Русь, и целый свет — еще... опять, —
и снова.

Москва, 24 мая 1899 г.

Сколько веток поломано бурею,
Сколько птичьих разрушено гнезд!
Но зато как лучист и блистателен
Этой радуги огненный мост.

Сколько роз недоцветших уронено,
Сколько пыли навеяно в сад.
Но зато от цветов распутившихся
И пышней, и пьяней аромат.

О, недаром гроза благодатная
Пронесла над землей ураган, —
Воздух сладко уснул убаюканный,
И уплыл тяготевший туман.

СТАТУЯ И ВЕТЕР

Под навесом веток темных,
В полумгле густой аллен,
Не боясь очей нескромных,
Спит недвижно в грезах томных
Облик мраморной Психей.

Дума, отданная думам,
Вся она — лишь созерцанье...
Полночь. В сумраке угрюмом
Мчится ветер; листья с шумом
Покрывают изваянье.

Ветка к ветке никнет с дрожью,
Звезды прячутся за тучи.
Ветер мчится к бездорожью
И на статую, к подножью,
Наметает прах летучий...

Ветер вост, как в припадке,
Зычным голосом пустыни...
Но недвижны в беспорядке
Беломраморные складки
Очарованной богини...

О, подруга дорогая,
Для чего так ветер стонет,
Скорбью сердце надрывая?
Он, бушуя и рыдая,
Неприступную не тронет!..

Я на

Вни

Я ос

И в

Там

И св

Но т

Мой

Разве

Жизн

Я населил таинственным мечтаньем
Надзвездные миры,
В них вдунул жизнь, облек очарованьем, —
Принес свои дары.

Я острова цветущие раскинул,
Пустыни и леса,
И в радугах над ними опрокинул
Иные небеса.

Там я возвел причудливые горы
Из льдов и янтаря
И светлых рек текущие узоры
Влил в ясные моря.

Но только что дерзнул воображеньем
Создать бесплотных я, —
Мой новый мир наполнился смятеньем
И воплем бытия.

Развеялся туман очарованья, —
Постигнуть я не мог
Жизнь без борьбы и счастье без желанья,
И радость без тревог!..

Не знаешь ты, что я в сетях твоих,
Что вся душа в твоей единой власти.
Не знаешь ты мучения и страсти,
И черных дум, как бездна роковых.

Не знаешь ты — и знать тебе не надо:
Не все ль равно бушующей реке,
Чьих облаков летучая прохлада
Над ней скользит и мечется в тоске?

Не все ль равно звезде, вдали горящей,
Кому она указывает путь,
Над чьим селом, над чьей лесною чашей
Во тьме глухой придется ей блеснуть?..

Но все же я хотел бы, чтоб порою
Через много лет, в докучной тишине,
Шептала ты с раздумьем и тоскою:
Он мной дышал — и он молился мне!

Сумерки шире спадали,
Ткали покров для ночлега;
Белые мухи летали, —
Белые звездочки снега!

Белым ковром расстилалась
Даль, застывая несмело;
Сердце как птица металось,
Сердце надежду не цело.

Чутко и грустно прикован
К снежному сумраку, — снова
Был я на миг очарован,
Только без слез и без слова;

Только мечты погасали,
Словно прощальная нега...
Белые пчелы летали,
Белые звездочки снега...

Пел соловей, цветы благоухали,
Зеленый май, смеясь, шумел кругом.
На небесах, как на остывшей стали
Алеет кровь, алеет закат огнем.

Он был один, он — юноша влюбленный,
Вступавший в жизнь, как в роковую дверь
И он летел мечтою окрыленной
К ней, только к ней, — и раньше и теперь.

А мир пред ним таинственным владыкой
Лежал у ног, сиял со всех сторон,
Насыщенный весь полночью безликкой
И сладкою весною напоен.

Он ждал ее, в своей разлуке скорбной,
Весь счастье, весь трепет и мечта...
А эта ночь, как сфинкс женоподобный,
Темнила взор и жгла его уста. /

Бабочка бьется в окно;
Вечер серебряный тает...
В думах мертво и темно,
Сердце в груди умирает.

Месяц проникнул в окно, —
Странные тени бросает...
В думах, как прежде, темно;
Сердце в груди умирает.

1898 г.

NOTTURNO

Полосы лунного света легли;
Белый туман поднялся от земли.
Тощий кустарник и мшистые пня
Ожили, точно пигмен в тени.

Ветка нависла, как темный рукав,
Тянутся корни, как змеи, из трав.
Лунные пятна в вершинах сквозят,
Дремлет, и бредит, и движется сад.

Тайная жизнь, прозябая кругом,
Дышит и сыплет холодным огнем.
Веет и грезит, и мнится: сейчас, —
Мир, как виденье, умчится из глаз.

НА УЛИЦЕ В СУМЕРКАХ

Смеркается в улице сонной;
На небе не видно зари.
Рядами во мгле похоронной
Уныло зажглись фонари.

На город огромный туманно
Спускается влажная ночь.
В душе так пустынно и странно, —
Я слез не могу превозмочь.

Виденьями сердце томится,
Предчувствием счастья живу...
Мне город ликующий снится,
Невиданный мной наяву.

Кристалльные блещут каналы,
Горит лучезарный закат,
И так ослепительно алы
И воды, и окна палат.

И так упоительно чудно
Темнеет прохлада садов,
Что все, угнетавшее трудно,
Забуть я навеки готов.

Забыта борьба из-за хлеба,
Забыто смятение бед;
Далекого, теплого неба
Струится мне в душу привет!

Я слышу горячие речи,
Огнем окрыляется слух,
И жаждет восторженной встречи
Борьбой опечаленный дух.

ПОЗДНИЕ ШАГИ

Проснулся я. Глубокий мрак
Вокруг меня царил давно,
И мрак глядел в мое окно.
Под потолком был чей-то шаг
Так озабочен, так уныл,
Так лихорадочно будил
Он тишь глубокую вокруг,
Что стало боязно мне вдруг.

Я суверенно размышлял, —
Кто там над комнатой шагал,
И так поспешно почему
Он оглашал шагами тьму?
Ни привидение, ни тать
Не могут громко так шагать;
Те робки, те едва слышны, —
Те не тревожат наши сны!

А этот суетный жилец
Чем озабочен, что он ждет?
Быть может, наступил конец
Там жизни чьей-нибудь... И вот —
Живой вчера — теперь мертвец
Несет живому ночь хлопот.
Раздвинут стол, мертвец обмыт

И в белой простыне лежит
Под образами, как в чехле,
Земля, готовая земле!

Иль, может быть, еще не все
Для жизни кончено. Судьба
Ленивой прялки колесо
У Парки вертит, — и борьба
Предсмертных тяжких мук страшней
Мгновенных тысячи смертей.

Быть может, новый человек
Влачить там призван новый век,
И потому тревожный шаг
Так поздно будит тишину, —
И медлит отходить ко сну
Благословляемый очаг,
Куда, вещая жизнь, проник
Младенца первый слабый крик.

Иль, тяжелой скорбью удручен,
Прокляв судьбу, забывши сон,
Отвергнут миром навсегда,
Томимый муками стыда,
Мечтатель, устающий жить,
Решает — «быть или не быть!»

Но нет ответа на вопрос
Моих колеблющихся грез
Меж бдением и тихим сном.
Угрюмый мрак навис кругом, —
И запоздалый чей-то шаг
Моей души тревожит мрак...

ИЗ СТАРЫХ ПЕСЕН

Мне снилось, ты мне изменила,
Смеясь, ушла от меня, —
И снилось — я плакал уныло
При блеске весеннего дня.

А все ликовало беспечно,
Дышало душистым теплом,
«Земное блаженство не вечно!» —
Шумели деревья кругом.

Ручья быстротечная пена
Шептала склоненным цветам:
«Какая смешная измена!
Как глупо предаться слезам!»

В кустах притаившись, пели
Веселые птицы о том,
Как слезы мои подглядели
Они за открытым окном.

И первого грома раскаты,
Резвясь в голубой вышине,
Бросали цветов ароматы
Смертельной отравой мне.

И только уснул под могилой, (?)
Проснулся в мерцании звезд,
А сон мой и песни о милой
Смеясь освистывал дрозд..

Я от
Я от
Дого
Душ

Я от
Что
Я от
Пото

Не
Где
Пото
Я не

Исто
Умир
И печ
Как

К. Фофан

Я отвык от горячего зноя любви,
Я отвык от страстей и от песен.
Догоревшая жизнь тускло гаснет в крови,
Душный мир мне печален и тесен.

Я отвык от того, что сияло мечтам,
Что мне радостно грудь согревало;
Я отвык, я не верю горячим словам,
Потому что их слышал немало.

Не найти мне тропы заповедной туда,
Где мечтой, как весной, жизнь богата, —
Потому что в живую святыню труда
Я не верю, как верил когда-то!..

Истомленный борьбой и обманом любви,
Умираю с безропотным горем...
И печальная жизнь тускло пышет в крови,
Как закат над остывнувшим морем...

Безумие любви, восторга иступленья
Живут и властвуют лишь в пламени

мгновенья;

А в холоде годов, презрев их тяжкий гнет,
Одно сомнение медлительно цветет.

Так розы пышный цвет, раскрывшейся с
зарюю,

Увянет к вечеру, подвластен жизни зною,

А листья, тернии и стебли будут цвести

Еще не день, не два, — унылые, бог весть

Зачем и для чего?.. Чтоб ждать расцвета

новых

Цветов пленительных, опять отцвести

готовых.

ЛЕДЯНЫЕ ЗАВЕСЫ

Ледяные завесы зима
Опустила на окна мои
И сокрыла от глаз
Оголенных деревьев убор,
И строенья, и ветхий забор,
Где беспечно трещат воробьи, —
И на льдистой завесе зажгла
Бриллианты огней без числа...

И на памяти бледной моей
Опустило завесы забвенья
И сокрыло в уме навсегда
Все восторги изменчивых дней,
И страданье, и сердца стремленье —
Пытку мук и стыда, —
И на памяти бледной зажгла
Грезы — песни мои без числа...

В СТАРОМ САДУ

Из аллей несутся звуки,
Звуки сладких серенад,
И заслушавшись дремлет
И кивает старый сад.

Слышен шелест легких платьев,
Звон доспехов, звук речей,
И мигает сквозь аллеи
Пламя красных фонарей...

Дамы белые, как феи,
Строй изнеженных пажей...
И береты, и ливреи
Тонут в сумраке аллей.

Греза ль душу мне пленила,
Или грежу наяву, —
Я не знаю... только страстно
Я мечтаю и живу.

Глубже... глубже в мрак роскошный
Очарованный — иду,
Слышу звуки серенады...
И еще услышать жду!..

Эта ночь так дышала и жгла,
Так была ароматна, светла!
Отворила окно и тревожно
Я смотрела в лазурную даль, —
И казалось, душе невозможна
В эту ночь ни вражда, ни печаль.
Я хотела рыдать — и любить.
И была я у ночи во власти,
Я хотела мучительной страсти...
Я велела фонтаны открыть,
Чтобы душную мглу напоить!..
Кипарисы стояли безмолвны,
Точно стража под окнами спальни.
Слышно было, как тяжкие волны
Ударяли о мрамор купальни...
Разгорались безумные взоры...
Чайки низко кружились в страхе..
И темнели вдали, как монахи,
В черных тучах почившие горы.
Надвигалась гроза... и смятенье
Вырастало... и тени росли...
И казалось, от вздохов земли
Исторгали цветы сновиденья
И предсмертным дыханием жгли.

УХОДЯЩАЯ ЗИМА

Тепло почувствовав и влагу
Уже растаявших снегов,
Поет зазор, поет отвагу
Семья весенних воробьев.

С ветвей намокших тянет прелью,
Свежее сосен базрома.
Весну к родному новоселью
Зовет слезливая зима.

И, тая тихими слезами
В лучах от сладострастных нег,
Зима под треснутыми льдами
Торопит волн упрямый бег.

Заходят воды, вздуют льдины, —
Надышат ветры и туман,
И в пробужденные долины
Слетит весна из южных стран.

И встретит север гостью юга —
И перед ней рассыплет он,
Как дар измученного друга,
Цветы и блеск со всех сторон...

Бежит волны кипучий гребень,
Поет стремлению хвалу —
И, разбиваясь о скалу,
Приносит ил, песок и щебень.

Не так ли юности порыв
Шумит, бежит, нетерпелив,
Поет хвалу земной отваге...
Но властный опыт разобьет
Его вольнолюбивый ход,
Как жесткий берег — пену влаги.

Он сжег румянец уст, — заледенил
дыханье...

Я гасну... Я погас... Мне сладко
умиранье, —

Я жизнь испил до дна — я сердце пережил!

ГРУСТЬ СОСЕН

Шел я весною, в сумерках туманных,
Рощей сосновой, тихою дорогой...
Хмурые сосны в думах неустанных
Вслед мне шептали, с тайною тревогой:

«Грустно нам, грустно, соснам молчаливым,

Грустно нам думать думы вековые!
Снежной метелью, вечером тоскливым
Мы одевались в ризы ледяные;
Пели нам, пели зимние метели;
Слаще их птицы майские споют нам!
Вот, — из-под снега воды зашумели.
Птицы щебечут в гнездышке уютном.
Долго и долго солнышко нас грело! —
Встретили много белых зим и весен,
Долго росли мы, тихо и несмело, —
Много погибло нас, косматых сосен...
Много сорвало бурями сердито...
Плачем смолою, если вечер зноен!
Радостное солнце нами позабыто,
Траур наш темен, ропот наш нестроен».

Так мне шептали сосны-великаны,
Шлемы колебля в воздухе румянном...
Дымно вставали влажные туманы,

Плыли над ними тучи караваном.
В роше сосновой хвоями и мохом
Почва дышала в трепете унылом...
Плакало сердце; с облегченным вздохом
Слезы катились о далеком миле!..

Сегодня в ночь весна-колдунья,
На молодое новолунье,
Снега последние смела,
Сережки ивы растрепала
И окаймлять цветами стала
Озер сквозные зеркала;
Зажглась румянцами по тучам,
Прошла дождем в лесу дремучем
И бальзамичною смолой
По хвоям елок проблеснула,
Шум ободряющего гула
Неся в их сумрак вековой...

Бел
Все
И з
Кан

Вее
И ж
Над
Из

За
У о
Ска
Ста

В м
Про
По
Про

Мне
Как
Здр
Здр

Белый снег мутнеет в блеске;
Все теплее день от дня, —
И звучней сквозь занавески
Канареек трескотня.

Веет негой воздух сладкий,
И журчит волна снегов
Над поставленной кадкой
Из железных желобов.

За решеткою ограды,
У оттаявших кустов,
Скачут, оттепели рады,
Стаи резвых воробьев.

В мутных сумерках, бульваром
Проходя, я вижу вновь
По очам и юным парам
Пробужденную любовь.

Мне взгрустнулось... Что такое?
Как душа моя полна!..
Здравствуй, солнце молодое!
Здравствуй, юность и весна!

СТАНСЫ

Пусть говорят: она пропала,
Пусть к ней закрыта крепко дверь;
Она в душе моей сияла,
Она сияет и теперь!

Мой друг! У твоего преддверья
Стою я полный новых сил, —
Мертвы иступленные перья
В холодном трауре чернил.

И все еще порою снится, —
С тобою снова буду жить,
Чтоб смутной ревностью упиться
Чтоб вновь восторги заслужить!

Над бу
Словно
На ба
Жизнь

И весн
И пов
И так
И так

Из опу
Молоды
Мне м
Чей-то

И все
Одинок
Воскрес
Улыбну

Над бульваром легла серебристая мгла,
Словно тени мелькают чета за четой.
На балконах кругом и за каждым окном
Жизнь бойка и светла, как призыв молодой.

И весна, и любовь раскалила всем кровь,
И повсюду восторг иль томящая лень...
И так радостен смех, и наивен так грех,
И так сладко в саду задышала сирень.

Из опущенных штор, где журчит разговор
Молодых голосов, как весенний ручей,
Мне мерещится день, мне мерещится тень,
Чей-то облик скользит... но не знаю я
чей...

И все чудится мне, что на сумрачном дне
Одинокой души, где гнездилась печаль, —
Воскресают мечты, расцветают цветы,
Улыбнулась лучам прорисавшая даль.

ОСЕНЬ

Уж холодом веет осенним,
И мнится, вершины шумят:
Мы плащ зеленеющий сменим
На яркопурпурный наряд.

И мнится, — цветы, увядая,
Друг другу прощальный поклон
Шлют, молча головки склоняя,
Как в день роковых похорон.

И вечер осенний так кроток,
И грусть его сердцу мила,
Как свет из больничных решеток,
Как дыма кадильного мгла.

Природа устала, — и скоро
Ко сну ее склонит недуг,
Но жизнь, суетная для взора,
Для сердца все та же вокруг.

Со стуком проехали дровни,
На улице стало темней, —
И запах кофейной жаровни
Пахнул из открытых сеней.

Там цепь фонарей потонула
В дали, отуманенной сном,
Там ранняя лампа мелькнула.
В окне красноватым пятном.

И в темной аллее бульвара
Под вечер разлуки немой
Гуляет унылая пара,
Шумя несметенной листвою.

Как будто раннею весною,
В дни поздней осени — светло.
Озер прозрачное стекло
Блестит румяной синевою...

Лучи последние свои
Закат в полях роняет косо,
И вдоль промерзлой колеи
Стучат трескучие колеса...

Последний блеск, последний шум
В дыханьи осени так внятн,
Холодный воздух так угрюм
И так спокойно ароматен, —

Что сердце в чуткой тишине
Предсмертным снам природы внемлет
И, очарованное, дремлет,
Весну почуяв в полусне...

ПОД

Темн
Под
Иду
Путь

В ум
Одна
На н
И со

Пусть
Где я
Они к
И сер

Не са
Жизнь
И мир
Под м

1900 г.,

ПОД МУЗЫКУ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ

Темно, темно!.. На улице пустынно...
Под музыку осеннего дождя,
Иду во тьме... Таинственно и длинно
Путь стелется, к теплу огней ведя.

В уме моем рождаются картины
Одна другой прекрасней и светлей...
На небе тьма, а солнце жжет долины,
И солнце то вошло в душу моей!

Пустынно все, — но там журчат потоки,
Где я иду незримою тропой;
Они в душе родились одиноки,
И сердца струн в них слышится прибой.

Не сами ль мы своим воображеньем
Жизнь создаем, к бессмертию идя,
И мир зовем волшебным сновиденьем
Под музыку осеннего дождя!..

1900 г., октябрь

ГРЕШНИЦА

Я так расстроена, я так расслаблена...
Ночь вся полна ароматной мечтой.
Смотрит в окно мое белая яблоня,
С ветром целуясь дрожащей листвою.

Будто под белой фатою, несмелые
Звезды мне с неба мерцают едва...
Руки мои опустились белые,
В мертвом молчании гаснут слова.

Нет ни молитв, ни слезы покаяния.
Чуждая миру — чужда небесам...
Можешь ли вымолить мне оправдание?
За оправдание сердца отдам!

Гатчина. 1900 г., октябрь

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Давно любви их ранней
Распалось звено.
Давно они любили
И разошлись давно.

Страдал он одиноко,
Встречая бремя бед;
Она с другим делила
Восторги лучших лет.

И встретились снова
Раз осенью они;
Пылал закат, как факел,
На прожитые дни.

По роще, в хвоях сосен,
Скользнули блестящие стрел.
Он думал: как увяла!
Она: как постарела!

Он «вы» сказать смущался,
Она не смела — «ты».
И оба обрывали
Последние цветы.

Им многое хотелось
И вспомнить, и сказать;
Попрежнему смеяться
Хотелось опять.

В ней сердце трепетало
И ныло у него, —
И молча разошлся,
Не вспомнив ничего...

ЛУЧ

Сквозь расшатанные доски,
В щель сарая, в душный мрак
Ярко огненные блески
Проскользнули как маяк.

И ложится желтой змейкой
На стене и на полу,
По доскам и под скамейкой
Луч, прорвавшийся во мглу.

Мимолетной песни звуки,
Жизнь, блеснувшая во тьме,
И от выстраданной муки
Мысль, рожденная в уме, —

Это также только пятна,
Только краткий отблеск в щель
Из природы необъятной,
Где один закон и цель.

ИЗЫ

Где сохнувшей речки извивы
Пленяют мечтательный взор,
Две ивы, две грустные ивы
Сплелися в столетний шатер.

И в полдень горячий без шума
Зовут пришлеца отдохнуть.
Одна у них песня и дума:
Как сладко под ними уснуть,

Уснуть без желаний, без грезы
На их многолетних корнях,
Пока возмущенные грозы
Спалят и размечут их в прах.

Старая Русса. 1903 г., август

В ДОРОГЕ

Мой голос слаб, мой факел тмем,
Иду неверною ногой.
А ночь глуха, а мир огромен,
И смотрят звезды надо мной.

Где сеячь мне? Какое семя?
Кого мне зернами питать?
Господь, пошли иное время,
Чтобы посеять и пожать.

Вокруг безлюдье! Свились тени
Глубокой тьмы, как щит врага.
Слабеет взор, дрожат колени,
Скользит над пропастью нога.

О боже мой, внемли страданьям
Души, идущей за тобой;
Не усыпи ее молчаньем,
Но разбуди ее грозой!

В мире душно, и позорно,
И обидно жить.
Обрывается покорно
Быстрой Парки нить.

Что цвело, — того не станет;
Все оденет тьма;
И за гробом нас обманет
Даже смерть сама.

Поколения другие
Нашу жизнь сметут;
Кратки помыслы святые,
Жалки мысль и труд.

Все пройдет и все обманет...
Жалок, кто живет,
Жалче тот, кого не станет
В омуте забот!

Когда
Осты
Опять
Опять

И ви
Они
У ни
Для

Своб
Хор
Ручей
Все т

А ты
Ты м
То п
То ц

Твой
Ты с
Ты—
И ж

СТАНСЫ

Когда пройдут стремленья молодые,
Остынет кровь, поработится ум, —
Опять взгляни на звезды золотые,
Опять ручья подслушай тихий шум.

И вновь найдешь душе успокоенье, —
Они все те ж, все так же молоды;
У них нет дум, заботы и гоненья,
Для них мечта — и битвы и труды!

Свободный дух им вызвал жизнь однажды:
Хор ясных звезд — светить земле в ночи,
Ручей — поить измученных от жажды,
Все тот же плеск, и те же все лучи!

А ты, дитя смеющейся природы,
Ты много раз меняешься душой:
То просишь дней ликующей свободы,
То цепь куешь для жизни молодой.

Твой взор погас, чело твое в морщинах,
Ты слаб и хил, любовь твоя прошла;
Ты — точно раб на шумных именинах,
И жизнь тебе, как прежде, не мила.

А помнишь ли — и ты был прежде молод,
Ты зло клеймил, свободу создавал,
Грозил врагам. Повеял жизни холод
И умертвил, как сад, твой идеал!

Припомни же стремленья молодые,
Свою борьбу, отвагу первых дум!
Опять взгляни на звезды золотые
И у ручья подслушай прежний шум!..

Я вест
Все да

Где за
Все ши

Я пада
Но все
И пере
Как п

Где с

Я зна
Но ху
Я вест

СТАНСЫ

О, замолчи, вспомнишь, —
К себе былое не зови!
Печально вспомнить дни страданья,
Еще печальней дни любви!
Накинь, душа, покров забвенья
На все, на все! Я жить устал;
Мне даже скучно вдохновенье —
Мой лучший жизни идеал!
Темней, мой день! Гасись, лампада!
Закат мой бледный, догорай...
Не здесь блаженство и отрада,
Не на земле счастливый рай!

1907 г.

Последних дум, последних лет,
Последних песен переливы,
Капризны, вольны и игривы,
Еще несут душе привет.

Еще порой в блаженстве нежном
Мечта пророчит ясный день,
Хотя сомнением мятежным
Все гуще, гуще жизни тень.

Так в осень дни темней, короче, —
Зато цветы пышней тогда, —
И в темноте осенней ночи
Светлей вечерняя звезда!

Я иду, — вокруг все избы,
Все луга, поля вокруг.
Через тощий палисадник
Балалайки слышен звук.

Ночь июньская прозрачна.
Полный месяц без лучей.
Тянет запахами сена,
Сладким клевером полей.

Трели поздние зарянки
Где-то сыплются в кустах:
Веет что-то молодое
В пробудившихся мечтах.

Месяц, точно одуванчик
В степи неба голубой, —
А из трав, в сырой канавке,
На него глядит другой.

Догорает мой светильник.
Все стучит, стучит будильник,
Отбивая дробь минут;
Точно капли упадают
В бездну вечности — и тают, —
И опять, опять живут.

Ночь морозна. Небо звездно, —
Из него мерцает грозно
Вечность мудрая сама.
Сад в снегу, беседка тоже...
И горит в алмазной дрожи
Темных елок бахрома...

СНЫ ЦВЕТОВ

Я люблю в ночные новолунья
Бледный сон заплаканных цветов.
Снится им веселая шалунья,
Королева трепетных их снов.

Снится им — румяный вечер мая, —
И встает застенчиво она,
Королева эта голубая,
Чтобы взять их жизнь и семена.

И цветы ликут и трепещут,
Сладко плачут фимиамом слез, —
И опять им снится, что заблещу:
Грезы их, светлее детских грез.

БАЛТИЙСКИЕ НОЧИ

I. В СЕЛЕНИИ

Уже закрыты лавочки,
На небе серп луны.
Ночные реют бабочки,
Как сказочные сны.

Повсяло прохладю,
Дорога не пылит;
Хрустальною лампадою
Ночь майская сквозит.

Все небо точно кознями
И тайнами полно,
Но звездочками поздними
Не искрится оно.

И не о них ли пламенно,
Один в тоске своей,
Там, за стеною каменной,
Рыдает соловей?

II. В ПАРКЕ

Воздух сладко дышит липами,
Веет влагой от ручья;

Дальний поезд дерзко хрипами
Заглушает соловья.

Ночь грустит и словно мается,
Спят заглохшие пруды;
Небо вешнее купается
В мутном холоде воды.

Вид печальный, вид пленительный,
Грезит былою старый сад,
И с тоскою усыпительной
Ропщет быстрый водопад.

Я хоте
Я хотел
Раз ум
Даже в
Раз уга
Озаряя
Но что
Нам то
Как в о

Я хотел бы страдать, но не в силах страдать,
Я хотел бы любить, но любить не могу.
Раз умершим цветам можно вновь расцвести
Даже в дождь и во тьму на осеннем лугу.
Раз угасшему дню можно снова взойти,
Озаряя лучами небес вышину, —
Но что раз потерял на житейском пути,
Нам того не иметь, нам того не найти,
Как в сиянии дня золотую луну.

Так полно, так полно
Любил я в мечтах быстрокрылых, —
И долго, безмолвно
Томиться в мечтах был не в силах.

Так свято и страстно
Я веровал в песни и звуки.
Но верил напрасно —
От слова рождались муки.

Душа отстрадала
В безмолвии тяжком и гордом, —
Но жалко ей стало
Расстаться с последним аккордом.

И стоны, и слезы
Вдруг хлынули дерзко наружу...
И с сердцем, как розы,
Увяла в осеннюю стужу.

ОПЯТЬ

Опять? Опять! Все это было,
Когда-то было и прошло, —
И так же солнце нам светило,
И так же было мне светло.

Ложилась тень от лип и кленов...
И мрамор белых балюстрад,
И пышный плющ у павильонов
Нам веселил и тешил взгляд.

Мы были юны, точно боги,
Едва создавшие миры
И после дум и мук тревоги
Свои нашедшие дары.

И ничего мы не хотели,
Довольны ясной лаской дня...
Сияло солнце, птицы пели,
И пело сердце у меня.

СОЗВЕЗДЬЯ ЛИРЫ

Созвездья Лиры, созвездья Лиры,
Благословите мой трудный путь!
Разбиты бурей мои кумиры,
Их тяжкий камень мне давит грудь.

Я пел веселье, я пел страданье,
Я юность с песней, с вином мешал.
Настало время — час испытанья;
Увяла роза, разбит бокал!

Созвездья Лиры, созвездья Лиры,
Мечите искры, мечите гром! —
Бегут, проснулись мои вампиры,
И жгут, и жалят, и бьют мечом.

Я пел вас, звезды, в невинность мая,
Рыдал от скуки в стихах весны,
Когда сходили, меня венчая,
Созвездья Лиры, — не ваши ль сны?

Природа та же; с ее порфиры
Не смели годы убранство сдуть!
Созвездья Лиры, созвездья Лиры, —
Разбейте лиру, — разбейте грудь!

Поэмы и баллады

РЕВНИВЫЙ МУЖ

(Народная былина)

Не зоря с зарей сходилася,
Синим морем заглядясь:
На красавице-боярышне
Молодой женился князь.

Да недолго с нею нежился,
В очи ясные глядел;
Променил он ложе брачное
На колчаны вражьих стрел.

Подступила к стогнам киевским
Печенежская орда, —
И поехал князь на ворога —
Тратить силы и годá.

Бьется долго ли, коротко ли, —
Возвращается домой;
Растерял дружину верную,
В мыле конь его лихой.

Повстоечались две странницы,
Молвят; «Здравствуй, славный
князь,

Ты к княгине-бесприданнице
Поезжай не торопясь.

Там не много встретишь радости;
Мы из терема сейчас...
В честь твоей ли, княже, младости
Меды пили там не раз?

Ты оставил много золота,
Много всякого добра, —
Да в недобрый час случилось
Ехать князю со двора.

Из подвалов клады ценные,
Из конюшен кони все
Утекли — куда неведомо,
Словно грезы по росе.

Свет-княгиня платья красные
Износила без тебя;
Жарче солнца разгоралась,
Друга нового любя!»

Князь нахмурил брови черные,
Шлем надвинул на глаза:
То не волны расшумелися —
В сердце вспыхнула гроза.

Он быстрее ветра буйного
В терем княжеский идет
И затворы самодельные
Размыкает у ворот.

Спят покои сном таинственным;
Только грустная луна
Смотрит в окна, как преступница
Уличенная, бледна.

Входит князь во дверь дубовую,
По царьградскому ковру
В спальню, к пологу желанному,
К заповедному одру.

Крепко спит княгиня юная,
В грезах дышит горячо;
Точно змеи, косы черные
Упадают на плечо.

Славный князь глядит — нахмурился.
В сердце холод и тоска,
И взялась за меч воинственный
Задрожавшая рука.

Он глядит и думу думает,
Злобу темную тая:
«Ты ждала ль меня, изменница,
Подколотная змея?»

Наложу печать я мертвую
На горячие уста,
Побледнеешь ты, румяная,
Как венчальная фата!»

И на шею лебединую
Тяжко рухнул княжий меч, —

И — не белая жемчужина —
Голова упала с плеч!..

А красавица княгинюшка
Честь, как схимница, блюла, —
Все ждала супруга милого,
Все до нитки сберегла.

В кладовых лежит нетронутым
Все хозяйское добро;
В бочках пиво, меда крепкие,
Жемчуга и серебро.

Красны платья не изношены,
Утварь звонкая цела,
И шелками скатерть вышита
Для дубового стола.

Спят покои сном таинственным,
Только тихая луна
Светит в окна, как покойница
Неподвижная, бледна.

Грустно князю одинокому,
Ретивое жжет укор, —
Он коня седлает быстрого,
Выезжает на простор.

Выезжает в поле чистое,
Пышет жизнью вольный конь,
А у князя взор туманится,
Душу высушил огонь.

То не призраки холодные,
Не туманы от земли, —
Две наветчицы, две странницы
Показались вдали. . .

«Стойте, лютые разлучницы,
Здесь уснете вы навек!» —
Молвил князь — и вещим странницам
Гневно головы отсек. . .

1892 г.

ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА

1

Когда они сошлись, ей было двадцать три,
Ему семнадцать лет; распилив темный

доков

И тканями гардин завесив стекла окон,
Она делила с ним восторги до зари.
Ей нравилось в нем неловкое смущенье,
Наивность важная и первые томленья,
И слезы ревности в потупленных очах,
Когда она друзей, смеясь, именовала
И медленной рукой альбом перебирала,
Где лица строгие во фраках, в орденах
Таились: все дельцы, артисты и вельможи,
Иные лысые, в задумчивых очках,
Непогрешимостью на схимников похожи.

А он в ней всё любил; все нравилось в ней,
нежной,

Порой мечтательной, капризной иль
небрежной:

Ее язвительный и скромный разговор;
Душистый будуар, ковры и занавески,
И ваз затейливых расписанный фарфор
Восточной прихотью в цветные арабески,

И нрави
Их стра

Что него
Что имя
Как част
Он, юны
И было
Ее прис
Порой е
Темнила
Она, см
Как спу
Играла
И, вдру
Садилас
Он под

Накинут
И вот п
Сперва
Потом
Как в
И снова
И тихой

А утро
С улыб
С горяч

И нравилось ему, что, скрытая от всех,
Их страсть была полней в таинственном
романе.

Что негою звучал ее картавый смех,
Что имя у нее ласкательное — Фанни.
Как часто проводил, бывало, с ней вдвоем
Он, юный, влюбчивый, зимою вечер длинный,
И было все полно в мерцающей гостиной
Ее присутствием, как тихим божеством.

Порой ее черты мгновенная тоска
Темнила — прошлое ль вставало из тумана?
Она, смотря в камин, молчала — и слегка,
Как спугнутым крылом, смущенная рука
Играла веером с решеткою экрана.
И, вдруг согнав с чела как облака печаль,
Садилась весело за томную рояль;
Он подымал юпитр, спешил раскрыть ей
ноты,

Накинуть на плечи оброненную шаль.
И вот мелодия, исполнена дремоты,
Сперва едва слышна, как тайная печаль,
Потом она журчит, рыдает и трепещет,
Как в наслаждении изнывшая любовь,
И снова чуть звенит, и разгораясь плещет,
И тихой жалобой вдали смолкает вновь.

II

А утром снова был он в корпусе счастливый,
С улыбкой тихою на розовых устах,
С горячей бледностью в взволнованных
щеках,

В движенях медленный, как лень
неторопливый,
И как он был хорош, влюбленное дитя,
Когда, склонив чело, угрюмо сдвинув брови,
Забывши свой урок, смолкал на полуслове,
Ресницы темные как дева опустя.
Наставник хохотал, тряслися аксельбанты.
«Должно быть, с барышней вчера играли

в фанты» —
Он говорил, смеясь, и, потрепав шутя
За робкое плечо, он прибавлял: «Довольно!»
Но, добродушием смущенный старика,
Виновный юноша краснел до слез невольно
И горечь слез глотал, стыдясь духов платка.

III

Расцвел зеленый май. Он сжал вместе с ней
В плетеном тильбюри. Душистый сумрак

парка
Пронизан был вокруг томительно и ярко
Прозрачным золотом полуденных лучей,
Впервые жизнь весны ему казалась полной.
Любовью светлою, надеждами богат,
Он мир благословлял и зелени был рад.
Но ей в лицо глядел, счастливый и
безмолвный.

Как удочка, поник склоненный хлыст
В ее руке, обтянутой перчаткой, —
Порой, с ветвей как бы склоняясь украдкой,
Ее щеки касался свежий лист.
Вдруг на одном из поворотов сада

Разда
Вздым
Перебл
И рез
Три в
Один
Лосня

И, уд
«Ах, б

Смуц
А гра
Потом
Он ме
Меж
Расчес
«Я зд

И пол
Париж
И Фа
Ее вл
Потом
И тре
Смени
Какой

Уж о
Граф
И веч
Припо

К. Фсф

Раздался топот, — мчалась кавалькада,
Вдымая пыль, — и стройный бег коней
Перебивал звучащий говор звонко
И резвый смех: то мчались в глубь аллеи
Три всадника и с ними амазонка.
Один из них, учтиво приподняв
Лоснящийся цилиндр, смеялся Фанни
взглядом

И, удержав коня, поехал с нею рядом.
«Ах, боже мой, вы здесь — опять в России,
граф»,

Смущенно просияв, она ему сказала...
А граф на юношу прищурился сначала,
Потом, в своей руке держа ее ладонь,
Он медленно прижег на ней два поцелуя.
Меж тем под седоком, волнуясь и танцуя,
Расчесанным хвостом махал горячий конь.
«Я здесь всего три дня — и вновь уеду
скоро», —

И полился родник живого разговора,
Парижского «козри» изысканный язык.
И Фанни, оживясь, как птица щебетала,
Ее влюбленный паж адел как мак сначала,
Потом он побледнел, нахмурился, поник,
И трепет и борьба в душе его тревожной —
Сменилася любовь тоской ревнивых дум.
Какой он стал смешной, какой он стал
ничтожный:

Уж он не друг ее — он только жалкий грум!
Граф обещал бывать у Фанни на обедах
И вечер проводить попрежнему в беседах;
Припомнить старину, забытую в пять лет.

А юный паж се молчал, чело нахмуря,
От ревности бледней, чем лилий вешний цвет,
Темнее, чем волна, когда кипит в ней буря,
Он молча хоронил в душе своей упрек,
Он ревности своей робел, как первой ласки,
А Фанни делала приветливые глазки
И юношу влекла в свой летний уголок,
Где за плетнем живым подстриженных

акаций

Палаццо высится, сверкает чистый пруд,
Где розы ранние пестреют и цветут
Перед подножием окаменелых граций...

IV

И вот они втроем. Весенний мрак прозрачен,
В румяных небесах сошлась заря с зарей,
Граф ласков и шутив, но паж влюбленный
мрачен.

А Фанни весела... небрежною рукой
Ей граф открыл рояль; склоняясь к Фанни
нежно,

Он просит, чтоб она сыграла что-нибудь
Из прежнего, когда так дружно, безмятежно
Они вступали в жизнь, как на победный путь,
И Фанни бледная, очей не поднимая,
Садится за рояль в прозрачном блеске мая.

В окне открытом упоенный сад
Задумчиво дремал в ночном покое;
К ним в комнату струили аромат
Росистые сирени и левкоя.

И вот,
Покину
В окн
И бит
И, оч
На пл
Он н
Так ч
И мер
На ст

А муз
Все в
Над с
И жи
В сво
Как б
Весь
Весь
Влюб
И бл
Его о
Прекр

И вот
И см
Он в
И ре

Все к
Шата
И но

И вот, из мрака выпорхнув стремглав,
Покинув ложе благовонных трав, —
В окно влетел веселый мотылек
И биться стал о белый потолок
И, очертив волнообразный круг,
На пламень свечи налетел он вдруг.
Он налетел — раздался звук глухой —
Так чикают ружейные осечки —
И мертвым пал, обманутый мечтой,
На стеарин обтаявшей свечи...

А музыки торжественный прилив
Все выше рос... кипел и волновался...
Над смертью звук ликующий смеялся
И жизнь будил, надежды схоронив...
В своем углу, угрюм и одинок,
Как бурею распатанный челнок,
Весь ревностью мучительной окован,
Весь звуками разбит и очарован,
Влюбленный паж томился и молчал, —
И блеск свечей, все дальше уплывая,
Его очам денницу зажигал
Прекрасного, но гибельного рая...

И вот аккорд... еще один аккорд —
И смолкло все!.. Как изваянье бледный,
Он все молчал, угрюм мечтой победной
И ревностью мучительно горд...

Все кончено!.. Яснует небосклон.
Шатаясь от Фанни вышел он, —
И ночь не спал... все плакал, все томился,

И утром на заре он с жизнью простился,
И с громом выстрела исчезла жизнь как сон.

Рассеялся дымок, и вместе с синим дымом
Исчезла страсть пажа в дыму неуловимом;
Как греза бледная, как звук из-под курка,
Развеялась любовь, развеялась тоска!..
Он умер!.. Почему? У всех один ответ
Мучительный, как ложь: причина

неизвестна!

Ужели юности в просторном мире тесно?
Ужели тесным дням простора в жизни нет?

v

И вот пришла весна; за той весной сняет
Весна, еще весна... промчалось пять лет;
Надгробный крест подгнил, и насыпь
оползает,

Где юноша зарыт, едва увидев свет.

О нем забыли все; любовь родитель

нежный,

Вздыхая, перенес на младших сыновей;

Товарищ молодой кончиною мятежной

Недолго волновал изменчивых друзей, —

Как утренний туман, он в памяти их

таял...

Косясь на ветхий крест, могильщик говорил

Другому: «Мне отец Порфирий ноне баял,

Могилку эфту срыть — вишь дождик всю

размыл!..»

Весна живила все чарующим приходом,
Но каждая весна под ясным небосводом,
Даря свои мечты, даря свою любовь,
С уходом все брала, все скупно уносила,
И каждая весна, как новая могила,
Надежды хороня, цветы рождала вновь...

СТАРЫЙ ДУБ

Посвящается И. И. Ясинскому

Как причастница нарядна,
Вся в снегу, как в чистой шали,
Дремлет липа молодая
В очарованной печали.

Перед нею дуб, как старец,
Убеленный сединами,
Наклонился и колышет
Оснеженными ветвями...

А вокруг все бездыханно,
Мертвы снежные поляны,
И в лесу по мерзлым веткам
Бродят зимние туманы.

И, дремля в волшебной грезе,
Липа дубу шепчет тайно:
«Посмотри, как в чаще леса
Хорошо — необычайно!

Посмотри, вдали алеет
Зорь румяных позолота;
Слышишь шорох звонких капель?
Это юный бродит кто-то!

Не весна ли это бродит,
Отряхая иней белый?..» —
«Полно вздор болтать, малютка, —
Дуб промолвила престарелый. —

Это запад остывает,
Алым пламенем истекши,
Этот шорох торопливый —
От прыжков неловкой векши...

До весны еще далеко,
Да и много ли в ней толку...
Поучись терпенью, глядя
На выносливую елку!»

И замолк сурово старец
Под своею ризой снежной,
И задумалась липа
О весне в тоске мятежной...

Дни идут, теплее солнце
С каждым днем в лазурь восходит
И протадины по снегу
Тенью легкою обводит.

Липа к дубу снова с речью:
«Что задумался так, старче?
Посмотри, весна приходит,
Воздух стал звучней и ярче...»

Слышу я, как надо мною
Разогретый снег сочится,

Как поутру, пробуждаясь,
Лес чернеет и дымится!»

Но на речь веселой липы
Грустно шепчет дуб унылый:
«Как землю нынче пахнет,
Точно вырытой могилой!..»

Дни идут; апрель румяный
Из ветвей глядит лукаво,
Сыплет светом цветоносным,
И налево, и направо.

Дуб нахмурился сердито,
Липа юная ликует,
У нее в ветвях сегодня
Тайно горленка ночует.

И в восторге липа шепчет
Сквозь весеннюю истому:
«Посмотри, как ходят тучи
По эфиру голубому,

Точно лебеди по морю...
Видишь — май идет лесами,
Раздвигая мокрый ельник
Лучезарными перстами...

Как свежо зеленым веткам,
Как тепло пригреты корни;
Мотылек сегодня утром
Перепархивал на дерне.

Я за ним следила долго,
Он весь белый был, как иней.
Наряжается фиалка
Для него в кокошник синий!»

Но печально дуб косматый
Слышит юной липы шелест,
Не влечет сго, как прежде,
Мая девственная прелесть!

И нежнее шепчет липа:
«Посмотри, как ярки почки,
Сколько тайны молчаливой
В ароматах этой ночки...

Как стекло, прозрачно небо!
Будит эхо в боре дальном
Сиротливая кукушка
Кукованием печальным...

От избытка чар и страсти
Я сама запеть готова!»
Но на лепет нежной липы
Дуб нахмурился сурово...

Он дрожащею вершиной
Все глядит к востоку жадно
И, вдыхая душный воздух,
Что-то шепчет безотрадно...

Там, вдали, как темным флером,
Омрачилось небо тучей,

И порой в нем пробегала
Искра молнии летучей.

Зашатался лес косматый, —
Испугался тучи черной, —
И поплыл в его вершинах
Ропот гневный и проворный...

В небе звучно и протяжно
Рокотанье пронеслося,
И вдали дрожащей сеткой
Дождь упал, волнуясь, косо...

Ближе... ближе влажный рокот!..
Шумно рвется в лес прохлада,
И раскапались, по листьям
Барабаня, капли града...

В туче молния сверкнула,
Небо гром потряс сердито, —
Точно рухнули там скалы
Из тяжелого гранита...

Пошатнулся дуб маститый,
Наклонился головою,
И упал, грозой спаленный,
Перед липой молодою.

Туча медленно промчалась,
И, смотря на жертву бури,
Мирно радуга сияла
На безоблачной лазури.

И, смотря на остов дуба,
Липа сумрачно вздыхала:
Поняла она, что старца
Так тревожно волновало...

1887 г., ноябрь

ОЧАРОВАННЫЙ ПРИНЦ

(Баллада)

1

Жил маленький принц в позлащенном чертоге.
Его осеняла с младенческих дней
Счастливая доля; не знал он тревоги,
Ни строгих упреков, ни робких детей.

2

Без сверстников рос он, не видел он сверстниц,
Его замыкал очарованный круг;
Он видел лишь стражу на мраморе лестниц
И видел поклоны блистающих слуг.

3

Прелестные рощи дворец окружали,
В душистой прохладе тенистых аллей
Из каменных гротов каскады журчали,
И шум их падучий был вихря звучней.

4

Над зеркалом вод, окаймленных цветами,
Мосты выгибали узоры перил;

Из ваз
Фонта

Все бы
Лужайк
И крош
Ему у

Где вы
Бродил
Ручные
Пуглив

Под ал
С весел
Задумч
У плет

Отбиви
Царевич
К нему
И корм

Бежал с
Кусты
Где бы
И крош

Из вазы бассейна, сребрясь под лучами,
Фонтан поднимался и брызги дробил.

5

Все было забавой для юного принца,
Лужайки и гладь серебристых озер, —
И кроткие звери под сенью зверинца
Ему услаждали и тешили взор.

6

Где выселись пихты, на мягких пригорках,
Бродила кудрявых барашков семья;
Ручные лисицы в искусственных норках
Пугливо дремали, лукавство тая.

7

Под алой попоной ушатый осленок
С веселой газелью неловко играл;
Задумчивый аист, и важен и тонок,
У плетня резного, как сторож, дремал.

8

Отбившись от рук замечтавшейся няни,
Царевич бежал к бессловесным друзьям.
К нему подбегали покорные лани, —
И корм подносил он к их влажным губам.

9

Бежал он к озерам, где стройно темнели
Кусты молодые, теснясь в полукруг,
Где быстры, как змейки, стекались форели
И крошки ловили из царственных рук.

Как весело было малютке теребить
 Росою обрызганный куст у пруда,
 Где вдруг был разбужен испуганный
 лебедь —
 И шумно от крыльев вскипала вода.

Но только все чаще, все больше с годами
 Счастливого принца темнили мечты.
 Он думал: зачем за моими садами
 Возвысились стены, как вражьи щиты?

Те стены его ограждали от мира,
 От гневной борьбы, от несчастных людей.
 А принц жил для счастья; венец и порфира
 Должны быть невинней небесных лучей.

Со взором ребенка, с душою поэта,
 Смиренный наставник ему говорил,
 Что там, за стеною, сокрыта от света
 Толпа светозарных, таинственных сил.

Они ему ткут кружева на подушки,
 И шелк для одежды, и ткань на ковры,
 И феи оттуда приносят игрушки
 Ему с недоступной высокой горы.

«А мо

«Нельз
И детск
Все шиЧуть в
Ребенок
На пок
И долг«Какие
О, если
И мно
В умеИ долг
Он мн
Луна в
КакуюА там,
Жизнь
Он жд
Уста у

15

«А можно их видеть?» — принц спрашивал робко.

«Нельзя, недоступно!» — он слышал в ответ.
И детским разбегом пробитая тропка
Все шире к стене пролагала свой след.

16

Чуть ветер вершины дерев зарумянит,
Ребенок бежит к неприступной стене,
На цоколь статуи задумчиво встанет
И долго мечтает в немой тишине.

17

«Какие счастливыцы живут за стеною?
О, если хоть раз заглянуть бы туда!»
И много видений лучистой толпою
В уме проплывают — бегут без следа.

18

И долго сидит у стены он, вздыхая...
Он мнит, что под вечер взойдет за стеной
Луна в небесах, но луна не такая,
Какую он видит всегда над собой.

19

А там, за стеной, суетою и торгом
Жизнь дико шумела, как в море гроза.
Он ждал, он кипел непонятым восторгом;
Уста улыбались, пылали глаза.

На пряжках чулок развязались банты...
 Темнело... туман поднимался с земли...
 Вечернюю зорю играли куранты,
 И звуки, как слезы, в затишьи текли.

День снова ушел. Он, как прежде, не знает,
 Что скрыл так ревниво стеною чертог?
 Когда ж он загадку свою разгадает,
 Когда же отпустят за темный порог?

И слышит в ответ он: «увидит — поспеет!»
 Увидит, что скрыто за крепкой стеной,
 Тогда лишь, как пух над губой зачернеет
 И ростом он будет с дубок молодой.

И вот над губою усы затемнели;
 Он строен; он вырос с дубок молодой...
 Заздравные кубки в чертоге звенели,
 Приветствуя принца с расцветшей душой.

Но, чокаясь дружно ответным бокалом,
 Улыбкой даря обольщенных гостей,
 Принц нежною думой следит не за балом
 И ждет, не дождется рассветных лучей.

Он жаждет увидеть желанное чудо,
 Что скрыто стеною, как мраком завес, —

Он чаще, все чаще чертог покидает, —
 Он учится жизни в иной стороне,
 И радость былая дымится и тает,
 Как воск ароматный на ярком огне.

Беднее одежда на ласковом принце,
 Грустнее мерцанье стыдливых очей,
 И перстень не блещет на белом мизинце, —
 Он голоду брошен в пучину страстей.

Принц темные кудри остриг; как невольник,
 До ночи глубокой скрывается он, —
 Где жизнь и жужжит и хлопочет, как
 пчельник.
 Как будто бы ищет умчавшийся сон.

И скоро покинут был принцем печальным
 Дворец заповедный. Напрасно гонцы
 Искали по странам и ближним, и дальним,
 Надменно стучатся в чужие дворцы.

Принц сгинул! Исчез, как залетная птица
 В рассветном тумане. Как вздох отошел!
 И если погиб он, то где же гробница?
 И если живет он, то где же престол?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В 1918 году вышла под редакцией Г. Д. Деева-Хомяковского небольшая, насчитывавшая 27 страниц текста брошюра «Константин Михайлович Фофанов. Избранные стихотворения с биографией». Ею исчерпывается список посмертных изданий поэта. Перечень прижизненных сборников его стихов приводится выше, на стр 7—12 вступительной статьи. Брошюра Деева-Хомяковского при своем малом объеме (в ней были перепечатаны 32 лирические пьесы II, III, IV и V части собрания 1896 года) скорее выдвигала мысль о необходимости издания «избранного» Фофанова, чем выполняла эту задачу. Таким образом настоящий выпуск «Библиотеки поэта» является по существу первой попыткой дать сборник избранных стихотворений Фофанова.

Стихотворения 1881—1899 годов, собранные самим поэтом в отдельно вышедших книгах его стихов, приведены в настоящем издании в разделах, носящих заголовки соответствующих сборников, а внутри разделов размещены в той же последователь-

ности, в какой их располагал Фюфанс (сохраненные всюду, где они имелись, авторские даты свидетельствуют, что в ком позиции сборников хронологический принцип им отвергался).

Во втором разделе («Стихотворения 1889 года») отбор сделан из пьес, не перепечатанных в издании 1896 года.

Раздел «Стихотворения 1900—1911 годов» составлен по отдельным публикациям. Вошедшие в него стихотворения, расположенные в порядке хронологии их появления в печати, взяты из следующих изданий: «Под музыку осеннего дождя» и «Грешница» — «Северные Цветы на 1901 г.», стр. 76—77; «Последняя встреча» и «Луч» — «Новый Путь», 1903, кн. 4, стр. 35—37; «Ивы» — «Русский Вестник», 1903, кн. 10, стр. 587; «В дороге» — «Новый Путь», 1904, кн. 4, стр. 91; «В мире душно и позорно» — «Новое Время», иллюстрированные приложения, 1906, № 10858; стансы «Когда пройдут стремленья молодые» — там же, 1906, № 11022; «Я весла опустил, плыву я по теченью» — там же, 1907, № 11132; стансы «О, замолчи, воспоминанье» — там же, 1907, № 11167; «Последних дум, последних лет» — там же, 1907, № 11221; «Я иду, — вокруг все избы» — там же, 1907, № 11238; «Догорает мой светильник» — там же, 1908, № 11435; «Сны цветов» — там же, 1910, № 12274; «Балтийские

ночи» — там же, 1910, № 12399; «Я хотел бы страдать, но не в силах страдать» и «Так полно, так полно» — там же, 1910, № 12406; «Опять» — там же, 1910, № 12462; «Созвездья Лиры» (последнее стихотворение, опубликованное самим поэтом) — там же, 1911, № 12625.

Выделенные в особый раздел поэмы и баллады воспроизведены: «Ревнивый муж», «Весенняя поэма» и «Старый дуб» из сборника 1896 года, «Маленькие поэмы» (последняя из трех названных вещей была ранее включена в издание «Стихотворений 1889 года») и «Очарованный принц» из тома «Иллюзий» 1900 года.

К.

«Зн

«Ве

«Ш

Ma

«С

«Н

He

«Ч

«У

«В

«Эт

«О

«Н

«Ве

«За

«He

СОДЕРЖАНИЕ

К. М. Фофанов. Вступительная статья	
М. Клемана	3
«Стихотворения» 1887 г.	
«Звезды ясные, звезды прекрасные»	30 ✓
«Весенней — полночью бреду домой усталый»	31 ✓
«Шумят леса тенистые»	32
Май	33
«Столица бредила в чаду своей тоски:	34
«Не правда ль, все дышало прозой»	35
Нежные письма	36 ✓
«Что ни день, то новые желанья»	37 ✓
«У поэта два царства: одно из лучей»	38
«В неприглядных стенах заключен я давно»	39
«Это было когда-то давно»	40
«Стихотворения» 1889 г.	
«Отзвучали струны сердца»	41
«Нет, не зови меня! Нет, друг мой, не зови»	42 ✓
«Вечернее небо, лазурные воды»	43 ✓
«Заря вечерняя, заря прощальная»	44 ✓
«Нет, мне не жаль, что умер этот день»	45

«Тени и тайны»

Вдохновение	46
«Я знаю грусть: певучая как песнь»	47 ✓
«Я сидел у окна, я смотрел в полутьму»	48 ✓
✓ Nottugno («Не мечты ли мне напели»)	49
«Дрожащий блеск звезды вечерней»	50
Кукушка	51
«Еще дрожит последняя слеза»	54
Мечта	55
У потока	56
✓ Дума в Царском Селе	57
«Как быстро год прошел! Как медлен- ные дни»	64
Отошедшим	65
Листья	66
«Прекрасна ты, осенняя пора»	68
Журавли	70
Затишье	71
«Зашумел, закачался взволнованный сад»	72 ✓
Фантазия	73
«Умолк весенний гром. Все блещет и поет»	74
«Родился день, как поздняя любовь»	75 ✓
Из «Цветника роз» Саади («Чем реже страсть, тем выше наслажденье»)	76 ✓
«Сколько жизни, сколько блеску»	77 ✓
«Взойдет заря, зайдет заря»	78
Осенний дождь	79
У печки	81
Скошенные травы	82

	Осень («День осенний, день унылый»)	83
46	«Твой гнев несправедлив: в ревнивой укоризне»	84 ✓
47 ✓	«Мы, нежного певцы, — таинственной судьбы»	85
48 ✓	Морозною ночью	86
49	Поздние огни	88
50	Сонет («Когда задумчиво вечерний мрак ложится»)	90
51	Первая разлука	91 ✓
54	«Кто он? Зачем, откуда этот гость»	93
55	Я. П. Полонскому («Поэт! Когда завечерело»)	94
56	«Усталое сердце не жаждет»	95
57	«Любил я с детства темные леса»	96
	Из старого альбома	
	I. «Пойдем в сосновый лес, сегодня жар несносен»	98
64	II. «Есть грусть прекрасная, когда поется стройно»	98 ✓
65	Летние грозы	100 ✓
66	Ты помнишь ли?!	101 ✓
68	«Мы — поздние певцы: мир злой и обветшалый»	102
70	«Сегодня под моим окном»	103
71	«Лунная тихая ночь»	104 ✓
	«Обманули меня соловьи»	105 ✓
	<i>«Этюды в рифмах»</i>	
72 ✓	Наш домовой	106
73	Чудовище	109
74	Голод	111
75 ✓		
76 ✓		
77 ✓		
78		
79		
81		
82		

Старые часы	113
Весенний дождь	116
На поезде	118

«Снегурка»

Снегурка	120
Шарманщик	121
Гамма	122
Аллея осенью	123
Лабиринт	124
Заглошая тропа	126
Смерть	127
Тридцать лет	128
Светит месяц	129
К сказкам	130
Лунный свет	131
В дороге («Верст еще верста! Назад я бросил взор»)	133
Меланхолия	134
На Неве	135

«Майский шум»

Весенняя записка	137
Вечерняя заря	138
Засохшие листья	139
Мелодия	140
Все тает	141
В глухом уголке	143
Е сосновой роще	144
Цветы	145
Подснежник	146

113	Подсолнечник	147
116	Ландыш	148
118	Папоротник	149
	Осина	150
	«Белый лебедь плыл по морю»	151 ✓
120	«Дай мне звуков, дай музыки строй-	
121	ной»	152 ✓
122	Осеннее	
123	I. Кто так поздно в окошко стучит	
124	и стучит»	153
126	II. «В мутном тумане почилa земля»	153
127	III. «Осень празднует поминки»	154
128	«Не мигают зарницы вечерние»	155 ✓
129	«Пришла румяная весна»	156
130	«Я хотел бы верить в прозу жизни»	157
131	Предчувствие	158
	✓ «Прекрасна эта ночь с ее красой	
133	печальной»	159 ✓
134	После грозы	160
135	У прилива	161
	Гимн отстрадавшим	162

«Монологи»

137	«Уныло рыдала метель на дворе»	163
138	«Чем смертоносней влага в чаше»	164
139	«Как вздох земных морей в небесную	
140	мечту»	165
141	«Прозрачный вечер тих, но все еще не	
143	мог он»	166
144	«Ты помнишь ли, подруга юных дней»	167 ✓
145	«Я сказки медленней пишу»	169
146		

«Не знаю почему, но только мне легко»	170
«Мечтательно возвышенный»	171
«Посмотри: у пруда, где в прохладную тень»	172
Осенние мелодии	
I. «Падают желтые листья с ветвей»	173
II. «Тускло блещет солнце на закате»	173

«Иллюзии»

Иллюзии	175
Из осенних мелодий	177
Лето	178
«Ветер ласковый, при встрече»	180
Вечер	181
«Еще повсюду в спящем парке»	182
«День гаснет зарею, свиваясь с те- нями»	183
«Как воздух свеж, как липы ярко»	184
Стансы («Все пережито, что возможно»)	185
«Деревня скрылася... и нивы»	186
«Желтыми листьями дети играли»	187
Утро	188
Прошедшее «я»	190
А. С. Пушкину	192
«Сколько веток поломано бурей»	193
В роще	194
Статуя и ветер	195
«Я населил таинственным мечтаньем»	197
«Не знаешь ты, что я в сетях твоих»	198 ✓
«Сумерки шире спадали»	199

170	«Пел соловей, цветы благоухали»	200 ✓
171	«Бабочка бьется в окно»	201
172	Notturmo («Полосы лунного света легли»)	202
173	На улице в сумерках	203
173	Поздние шаги	205
	Из старых песен	207
	«Я отвык от горячего зноя любви»	209 ✓
	«Безумие любви, восторга испугленья»	210 ✓
	Ледяные завесы	211
	В старом саду	212
175	«Эта ночь так дышала и жгла»	213
177	Уходящая зима	214
178	«Бежит волны кипучий гребень»	215
180	Вампир	216
181	Грусть сосен	218
182	«Сегодня в ночь весна-колдунья»	220
	«Белый снег мутнеет в блеске»	221
183	Стансы («Пусть говорят: она про- пала»)	222
184	«Над бульваром легла серебристая мгла»	223
185	Осень («Уж холодом веет осенним»)	224
186	«Как будто раннею весною»	226
187		
188		
190		
192		
193		
194		
195	Под музыку осеннего дождя	227
196	Грешница	228
197	Последняя встреча	229
198 ✓	Луч	231
199	Ивы	232

Стихотворения 1900—1911 гг

В дороге («Мой голос слаб, мой факел темен»)	233
«В мире душно, и позорно»	234
Стансы («Когда пройдут стремленья молодые»)	235
«Я весла опустил, плыву я по течению»	237
Стансы («О, замолчи, воспоминанье»)	238
«Последних дум, последних лет»	239
«Я иду, — вокруг все избы»	240
«Догорает мой светильник»	241
Сны цветов	242
Балтийские ночи	
I. В селении	243
II. В парке	243
«Я хотел бы страдать, но не в силах страдать»	245
«Так полно, так полно»	246
Опять	247
Созвездья Лиры	248

Поэмы и баллады

Ревнивый муж	249
Весенняя поэма	254
Старый дуб	262
Очарованный принц	268

Библиографическая справка 276

еА

. 233

. 234

ья

. 235 ✓

ю» 237

») 238 ✓

. 239

. 240

. 241

. 242

. 243

. 243

ах

. 245 ✓

. 246 ✓

. 247

. 248

. 249 ✓

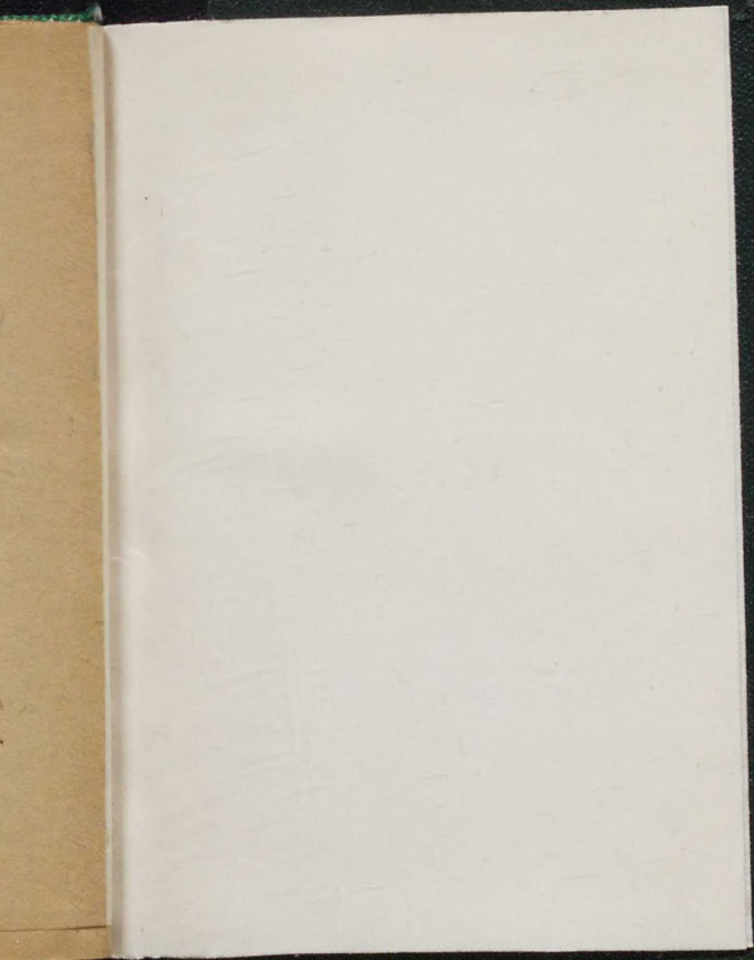
. 254

. 262

. 268 ✓

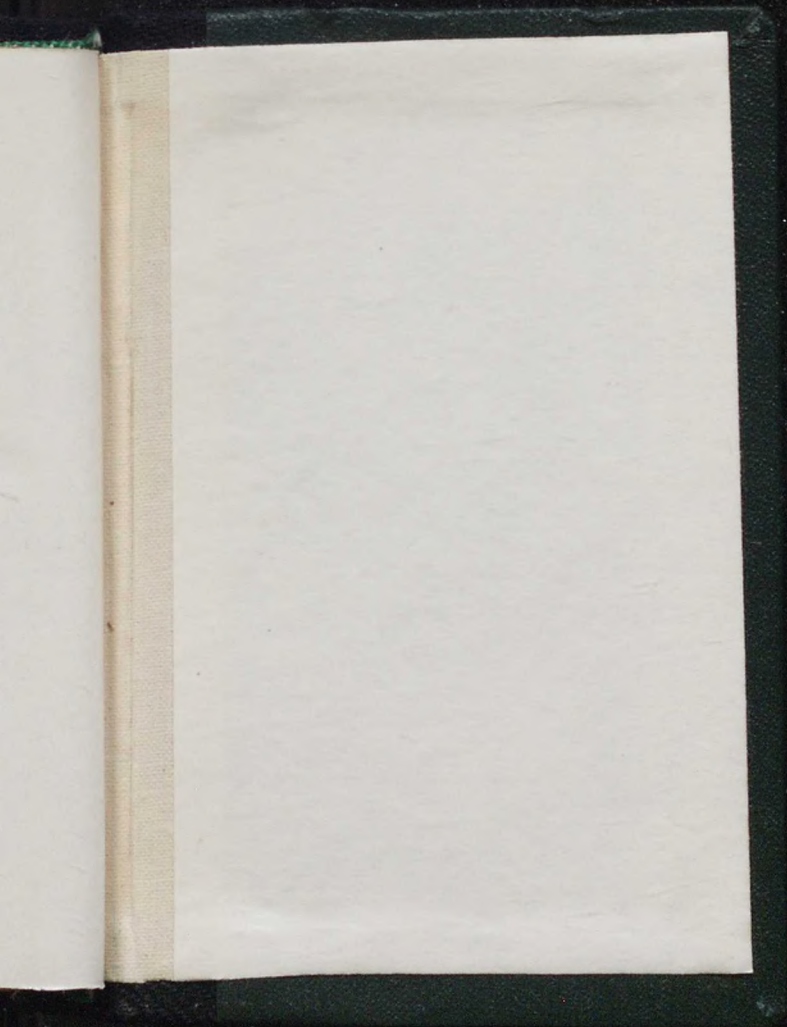
а 276

Ответств. редактор А. Дымшиц.
Технич. редактор А. Кирнарская.
Корректор Р. Б. Кетоза. Художник
В. Двораковский. Ленгорлит № 2353.
С.П.—107 Л. Тир. 10000. Сдано в на-
бор 7/1 1918 г. Подписано к печати
17/VI 1938 г. Формат бумаги 70×108^{1/4}.
Бум. л. 2^{1/4}. Колич. знаков в 1 б.
л. 149000. Печ. л. 9. У.-а. Отпеча-
тано в тип. 9-й ф. ки детской книги
Детиздата ЦК ВЛКСМ, Ленинград,
2-я Советская 7.

2011143765